

На правах рукописи

ГЛАДЫШЕВ Владимир Иванович

**КОМПЕНСАТОРНОЕ ОБЩЕНИЕ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

09.00.11 – социальная философия

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Екатеринбург

2002

Работа выполнена на кафедре философии и культурологии
Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при Уральском государственном университете им. А.М. Горького.

Научный консультант — доктор философских наук, профессор Л.А. Мясникова

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор А.Я. Голубчиков,
доктор философских наук, профессор Ю.Г. Ершов
доктор философских наук, профессор Г.М. Брагин

Ведущая организация — Уральское отделение РАН, кафедре философии

Защита состоится « » _____ 2002 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук в Уральском государственном университете им. А.М. Горького (620083, Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51, к. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Автореферат разослан « » _____ 2002 г.

Ученый секретарь диссертационного
совета, доктор философских наук,
профессор

В.И. Плотников

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования и постановка проблемы.

Многомерный мир общения, постоянно воспроизводимый, обновляющийся и развиваемый усилиями социальных субъектов, в ходе своей эволюции все чаще оказывается подверженным разнообразным деформациям. Безошибочным свидетельством наличия таковых в сфере общения выступает рост одиночества, приобретающего в современном мире глобальный характер. Однако человек в силу изначально присущей его натуре коммуникативной активности нейтрализует отрицательные воздействия, смягчает или преодолевает одиночество. Возникает феномен компенсаторного общения, производящего коррекцию, а зачастую и радикальное преобразование коммуникативного мира личности, что в свою очередь создает основу для последующих более глубоких и разноплановых изменений в ее индивидуальном и коллективном бытии. Между тем самоорганизация сферы общения посредством его компенсаторных проявлений зачастую складывается как стихийный процесс с непредсказуемыми результатами. Компенсаторное общение как особый социальный феномен до сих пор не стало предметом специального научного анализа, следовательно, отсутствуют отчетливые представления о нем. Однако исходя даже из повседневного опыта нетрудно уяснить, что одни формы общения, преследующего компенсаторные цели, порождают «восхождение» личности, другие, напротив, «нисхождение». Короче говоря, в одном случае гармонизация коммуникативного мира осуществляется на путях сверхкомпенсации, означающей борьбу за самосовершенствование, в другом – посредством декомпенсации (угасающей компенсации), когда желаемое равновесие достигается не через движение вверх, а через падение вниз, деградацию, отказ от борьбы.

В связи с этим следует подчеркнуть, что компенсаторные процессы зачастую трактуются узко, как сугубо адаптивные, т.е. рассматриваемые по типу гомеостазиса. Специфика нашего подхода к компенсаторным процессам состоит в том, что он учитывает наличие в них противоречивого единства гомеостазиса и гетеростазиса (неадаптивной активности).

Характерно также и то, что иные проявления компенсаторного общения амбивалентны в ценностном отношении, что создает возможность их трансформации в социально положительные формы компенсаторного общения. Поэтому важное значение приобретает теоретическое осмысление вопроса о том, какое влияние оказывают на личность способы компенсаторного общения, избираемые ею для восстановления деформированной структуры общения и преодоления одиночества. Из сказанного выше следует также и то, что трактовка общения как

чего-то всегда и при всех условиях исключительно положительного, а она является преобладающей, страдает явной односторонностью.

Изучение результатов конкретнонаучных исследований групп с девиантной направленностью (преступные группы, алкогольная микросреда, сообщества наркоманов и др.) показывает, что одним из факторов их формирования выступает нереализованность личности в сфере ее повседневного общения, ощущаемая как дефицит эмоционально насыщенных личностно ориентированных связей, отсутствие сочувствия и сопереживания, трудности для осуществления самоутверждения и т.д. Реализация в той или иной форме указанных потребностей через участие в этих формированиях может быть расценена как компенсаторное общение. Оно неизменно несет на себе отпечаток тех ценностей, что лежат в основании деятельности данных групп, способствует их распространению и консолидации. Участие в указанных группах было бы менее привлекательным, если бы оно не усиливалось за счет компенсаторно-коммуникативных возможностей, в них имеющихся. Поэтому борьба с целым рядом негативных явлений должна иметь в своем арсенале формы и средства общения, выгодно отличающиеся от тех, что может предложить своим членам среда с негативной направленностью. Но этот вывод не следует непосредственно из материалов конкретных научных исследований указанных групп, так как общение в них осуществляемое рассматривается, как правило, в качестве сопутствующей проблемы либо как сугубо «ведомственный» вопрос, т.е. вне связи с другими, даже весьма близкими формированиями. А стало быть, отсутствует попытка выработать общую концепцию хотя бы негативной компенсации средствами общения. Успешность преодоления негативных проявлений компенсаторного общения и овладение социально положительными способами компенсации предполагает всестороннее осмысление этого феномена на уровне социально-философского анализа в свете тех требований, что предъявляет к нему современная наука. Ибо сегодня, как никогда, важно «...науку, ее категории, понятия, концепции включить в процесс изменения общества и самореализации людей, определить, какие из научных форм и в каких сочетаниях (в каких логиках) могут стать средствами самоопределения общества, ориентации человеческих индивидов».¹

Осуществленное выше обоснование актуальности избранной нами темы одновременно высвечивает определенные противоречия, имеющиеся в философской теории общения. Поэтому следующим шагом, логически вытекающим из предыдущего, будет **постановка проблемы**. Центральным вопросом исследуемого аспекта проблемы общения,

¹ Кемеров В.Е. Введение в социальную философию: Учебник для вузов. Изд. 4-е, испр. М.: Академический Проект, 2001. С.4.

требующим своего разрешения, выступает необходимость «достраивания» философской теории общения. Анализируя противоречия современной коммуникативной ситуации и выстраивая схему «кризис общения → возникновение одиночества», мы должны включить в ее состав третий элемент, а именно, компенсаторное общение, выступающее своеобразным способом гармонизации коммуникативного мира личности. Конечно, постановка такой общей проблемы предполагает рассмотрение и поиск решения многочисленных более частных проблем, а также переосмысления в русле исследуемой темы таких фундаментальных проблем, как общение и одиночество в их взаимосвязи. Нуждается в специальном анализе специфика компенсаторных процессов как таковых, т.е. рассматриваемых первоначально в более широком контексте, нежели сфера общения. Опираясь на полученные сведения о специфике и основных ипостасях компенсаторных процессов вообще, можно осуществить переход от рассмотрения общего к изучению особенного, каковым является компенсаторное общение – частный случай компенсаторных процессов.

В соответствии со сказанным выше **объектом** нашего **исследования** выступают компенсаторные процессы, а компенсаторное общение как способ гармонизации коммуникативного мира личности, рассматриваемое на двух уровнях – коллективного и индивидуального бытия – в ходе социально-философского анализа образует **предмет исследования**.

Состояние разработанности проблемы. Научные исследования компенсаторного общения на уровне социальной философии пока не проводились. Но определенные предпосылки для подобного исследования имеются. К ним прежде всего следует отнести работы, посвященные изучению различного рода компенсаторных процессов, рассматриваемых, правда, безотносительно к сфере общения. Следует также подчеркнуть, что большинство исследований такого рода осуществлялось представителями психологии, но, как это явствует из названных ниже персоналий, не только ими (А.Адлер, Э.А.Асратян, В.М.Бехтерев, А.Я.Боярский, Ф.Е.Васильюк, А.И.Воложин, Л.С.Выготский, И.В.Давыдовский, А.М.Зимкина, К.Б.Карандеев, Г.С.Ландсберг, В.Левассер, В.П.Подачин, Ю.С.Савенко, Д.В.Сивухин, Б.М.Сидоров, Ю.К. Субботин, А.Дж. Тойнби, Э. Фромм, К.Г. Юнг и др.). Кроме того, при анализе ряда социальных явлений (искусство, культура, религия, социальные институты и др.) было установлено, что всем им присуща, при определенных условиях, компенсаторная функция; было определено, что компенсируется и какими способами (Ю.П. Андреев, В.Г. Голованова, А.Ф. Еремеев, К. Жигульский, В.И. Колосницын, Д.М. Угринович, Н.А. Хренов и др.).

Что же касается непосредственно проблемы общения, то в общественном сознании человечества ее теоретическое исследование имеет длинную предысторию и короткую, но весьма насыщенную историю. В последние десятилетия она особенно интенсивно изучается совокупными усилиями представителей различных научных дисциплин: философов, социологов, психологов, социальных психологов, юристов, педагогов, врачей, биологов, этнографов, лингвистов и т.д. Характеризуя состояние разработанности проблемы, мы сосредоточили главное внимание на тех направлениях ее изучения, что имеют самое непосредственное отношение к изучаемому явлению – компенсаторному общению в рамках социально-философского анализа. В связи с этим особенно важно отметить исследования современных авторов, как отечественных, так и зарубежных, включая и их предшественников, способствовавших всесторонней разработке теоретической парадигмы общения как межсубъектного отношения и как самообщения.

Среди первых следует назвать: Г.С.Батищева, М.М.Бахтина, Н.А.Бердяева, В.С. Библера, А.А. Бодалева, А.А. Брудного, Л.П.Буеву, И.А. Ильина, М.С. Кагана, В.Е. Кемерова, Т.Х. Керимова, И.И.Лапшина, Б.Ф.Ломова, А.А. Мейера, Ю.И. Мирошникова, Л.А.Мясникову, Б.Д. Парыгина, Ю.Д. Прилюка, А.В. Резаева, В.М Соковнина, А.А. Ухтомского, П.А. Флоренского, С.Л. Франка.

Среди вторых: М.Бубера, Э.Гуссерля, Г.Зиммеля, С.Кьеркегора, П.Лаина Энтральго, Э.Левинаса, К.Маркса, Г.Марселя, М.Мерло-Понти, Х.Ортегу-и-Гассета, Ж.-П.Сартра, М. де Унамуно, Л.Фейербаха, Ю.Хабермаса, М.Хайдеггера, Ф.Эбнера, Ф.Энгельса, К.Ясперса.

Тема общения, анализируемая на социально-философском уровне, не может рассматриваться в отрыве от теснейшим образом сопряженной с ней темы *одиночества*. Наиболее активно эта тема исследуется за рубежом, начиная примерно с 50-х годов прошлого столетия (Р.С.Вейс, Т.Б.Джонсон, К.Э. Мустакас, Л.Э. Пепло, Д.Рисмен, У.А.Садлер, П.Е.Слейтер и др.), и по идеологическим причинам лишь в последние годы – в нашей стране. Так, в 90-х годах у нас появились первые научные и научно-популярные книги по данной теме (М.И. Буянов, О.В.Данчева, Ю.М.Швалб, Н.Хамитов), статьи философского и социологического профиля (А.С. Гагарин, А. Маилов, А. Стародубцева, Г.М. Тихонов, Н.В.Тулина и др.).

В 90-е годы успешно завершен ряд диссертационных исследований по философским и социологическим аспектам проблемы одиночества: Г.М.Тихонов (1992), С.В.Куртиян (1995), Ж.В.Пузанова (1995), Л.И.Старовойтова (1995), Ю.М.Черепухин (1995), А.П.Глазков (1998), И.А.Уледова (1999), Д.В.Гарбузов (2000).

Ощутимым теоретическим стимулом к активизации исследований проблемы одиночества в нашей стране послужило издание на русском языке фундаментального сборника публикаций, своеобразной антологии одиночества, составленной из текстов западных, по преимуществу американских, авторов, снабженной обширнейшей библиографией, составляющей свыше пятисот работ философского, социологического и социально-психологического характера по данной теме.¹

Углубленный социально-философский анализ одиночества требует обращения к классике философской мысли: зарубежной (М.Бубер, С.Кьеркегор, Э.Левинас, К.Маркс, Ж.-П.Сартр, А.Шопенгауэр, М.Хайдеггер) и отечественной (Н.А.Бердяев, И.А.Ильин, Н.О.Лосский, Вл.Соловьев, Л.Н. Толстой, С.Н. Трубецкой, Н.Ф. Федоров, П.А. Флоренский, С.Л. Франк), где, несмотря на антиномическое столкновение различных мировоззренческих позиций, проблема одиночества рассматривается в связи с глубокими онтологическими основаниями человеческого бытия, с его трагическими противоречиями, а также в связи с глубочайшим анализом социокультурной ситуации, сложившейся в условиях техногенной цивилизации.

Особое значение имеют для нас в связи с изучением компенсаторного общения исследования феноменов самоутверждения и самоактуализации, осуществленные как западными учеными (А.Адлер, Р.Е.Альберти, К.Левин, А.Маслоу, Ф.Ницше, К.Роджерс, П.Тиллих, А.Шопенгауэр, М.Л.Эммонс), так и отечественными исследователями (С.Л.Березин, В.Е.Кемеров, Л.Н.Коган, В.А.Мальцев, А.А.Мейер, С.К.Морозов, Э.В.Невструева, Е.П.Никитин, А.А.Ухтомский, Н.Е.Харламенкова, Н.Ф.Цыбра, Г.К.Чернявская, Н.И.Шаталова и др.).

Содержательный анализ компенсаторного общения был бы невозможен без опоры на работы тех авторов, что сосредоточили внимание на выяснении места общения в системе человеческой деятельности (К.А.Абульханова-Славская, Б.Г.Ананьев, А.А.Брудный, Л.П.Будева, М.В.Демин, М.С.Каган, М.С.Кветной, А.А.Леонтьев, А.Н.Леонтьев, Б.Ф.Ломов и др.), на исследовании его *структуры и функций* (А.М.Агальцев, В.Г.Антонян, Л.М.Архангельский, Е.Г.Злобина, М.С.Каган, В.Е.Кемеров, А.А.Леонтьев, М.И.Лисина, Б.Ф.Ломов, Н.В.Лысенкова, К.Маркс, Б.Д.Парыгин, В.П.Реш, Б.А.Родионов, Е.Г.Слуцкий, В.М.Соковнин, Э.В.Соколов), на изучении вопросов *формирования и развития личности в общении* (Л.М.Архангельский, А.А.Бодалев, А.А.Брудный, Л.П.Будева, А.Я.Голубчиков, А.Б. Добрович, А.А. Довгань, М.А. Жукова, Е.Г.Злобина, М.С. Каган, Г.А. Ковалев, Л.Н. Коган, И.С. Кон, М.И.Лисина, Г.В.Мокроносов, Б.Ф.Поршнев, Ю.А.Шестопапов и др.)

¹ Лабиринты одиночества: Пер. с англ. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989.

Б.Ф.Поршнев, Ю.А.Шестопалов и др.) и, в частности, на исследовании проблемы *формирования потребности в общении и способностей к общению* (Н.П.Аникеева, А.А.Бодалев, А.В.Веденов, И.А.Джидарьян, А.А.Кидрон, М.И.Лисина, Л.П.Мухарская, Л.А.Петровская, Л.С.Сапожникова, С.Г.Спасибенко, Д.Г.Элькин).

Важное значение в исследовании компенсаторного общения, призванного гармонизировать коммуникативный мир личности, приобретает аксиологический аспект проблемы общения. Поэтому особенно значимы для нас работы, посвященные исследованию *культуры общения* (Н.М.Ануфриева, А.А.Брудный, О.И.Даниленко, Р.Жибайтис, И.А.Ильин, И.А.Ильяева, М.Н.Ночевник, Н.В.Рыбакова, Е.П.Савруцкая, Э.В.Соколов, М.А.Чернышева), *роли диалога в системе культуры* (М.Бахтин, В.С.Библер, Г.М.Брагин и др.), *нравственных аспектов общения* (С.Анисимов, В.Блюмкин, Б.В.Бушелева, Ф.Г.Майленова, Г.Н.Потылико, Ю.Согомонов, А.И.Титаренко), *общения в связи с художественной деятельностью* (В.Г.Голованова, С.С.Дашкова, В.М.Дианова, Е.В.Дуков, А.Ф.Еремеев, М.С.Каган, А.Л.Казин, И.М.Лисовец, Ю.В.Перов, В.Е.Семенов, Н.А.Хренов и др.).

Опора на указанные выше научные направления в исследовании общения делает возможными анализ и оценку современной коммуникативной ситуации, складывающейся при определяющем влиянии научно-технического прогресса и процесса урбанизации, возникновения новых информационных технологий. Существенными предпосылками для подобного анализа в свою очередь выступают работы как западных, так и отечественных исследователей, фиксирующие изменения в характере и содержании современного общения, отмечающие определенные его деформации, обусловленные развитием техногенной цивилизации (В.А.Аполлонов, А.В.Баранов, Н.А.Бердяев, Ж.Бодрийяр, М.Бубер, В.Р.Букин, Г.-Г.Гадамер, В.Г.Голованова, Л.В.Донская, Ю.Г.Ершов, О.Н.Кузнецов, В.И.Лебедев, Э.Э.Линчевский, С. Москвичи, Х.Ортега-и-Гассет, Б.Д.Парыгин, Р.Рихта, Б.А.Родионов, В.Л.Ружже, Е.Г.Слуцкий, Э.В. Соколов, Э. Фромм, Ю. Хабермас, М.Хайдеггер, Р. Хирау, Н.А. Хренов, О.Н. Яницкий, К. Ясперс).

Противоречия, обусловленные всемерным развитием коммуникации, потеснившей сферу общения, все чаще становятся предметом научного обсуждения (см.: Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации / Гл. ред. Л. Морева. СПб.: ФКИЦ «ЭЙДОС», 1998. 536 с. (Международные чтения по теории истории и философии культуры. Вып.6).

Исходя из гипотезы, что известные деформации в структуре общения изначально формируются во «вплетенном» в предметную деятельность общении, а компенсаторное (уравновешивающее) значение относительно их (деформаций) приобретают всевозможные проявле-

ния «общения ради общения», то условием последующего анализа компенсаторного общения становится исследование компенсаторно-коммуникативных возможностей различных неформальных групп и сообществ, а также компенсаторно-коммуникативные возможности аутокоммуникации во всем богатстве ее содержания, ее видов и разновидностей. Таким образом, в сферу нашего научного интереса попадают работы тех исследователей, чье внимание сосредоточено на изучении стихийных групп подростков и юношей, криминогенных и преступных сообществ, неформальных молодежных объединений. Это работы социологов, криминологов, педагогов. Группы, изучаемые ими, существуют в широком ценностном диапазоне – от социально положительных (многие неформальные молодежные объединения) до антисоциальных, включая маргинальные образования.

Обострение наркоманийной и алкогольной ситуаций в нашей стране сопровождалось ростом научных и научно-публицистических изданий, посвященных этой проблеме. Появились работы наиболее соответствующие целям нашего исследования: Наркомания как форма девиантного поведения / Ин-т социологии РАН. – М., 1997; Молодежная субкультура и наркотики: Учебное пособие /Т.П. Долгова, Ю.А. Клейберг; Тверской гос. тех. ун-т. Тверь, 1997. С точки зрения компенсаторно-коммуникативных процессов в наркоманийной среде могут быть проанализированы работы Ш.Е.Джаманбалаевой, А.И.Иванова, И.Я.Каплан, А.А.Козлова, А.Макеева, Н.Ю.Максимовой, А.В.Надеждина, М.Л.Рохлиной, В.В.Трифонов.

Все больший размах приобретают в последние годы исследования аутокоммуникации. Однако преобладающее значение имеют: лингвистический, психологический, гносеологический аспекты проблемы (А.А.Бодалев, Л.П.Грибак, О.Н.Кузнецов, Г.М.Кучинский, В.И.Лебедев, Ю.М.Лотман). Между тем социокультурный аспект исследования проблемы аутокоммуникации, позволяющий выявить содержательное богатство этого феномена, что, кстати сказать, очень важно для постижения смысла компенсаторной аутокоммуникации, изучается пока немногими (М.С.Каган, Л.А.Мясникова, К.Пигров, Н.А.Черняева, Е.Ярославцева).

Положительно оценивая результаты исследования указанных выше аспектов общения, нельзя не отметить определенных пробелов, обусловленных причинами мировоззренческого и методологического порядка. Тема общения, рассматриваемого на социально-философском уровне, не может анализироваться в отрыве от темы одиночества, даже в том случае, когда она является главной. Напротив, при сопряженном рассмотрении этих органически связанных между собой проблем, мы вводим в исследование аксиологическую составляющую, позволяющую избежать одностороннего подхода к общению, как к чему-то без-

условно и однозначно положительному при всех мыслимых условиях и обстоятельствах, оценить качество общения, его полноту, наличие в нем реальных либо виртуальных деформаций того или иного рода, выступающих на поверхность в форме переживания одиночества. А это означает, что и общение и одиночество должны быть рассматриваемы в условиях конкретной коммуникативной ситуации, задающей и общению и одиночеству определенные структуру и измерения в их взаимосвязи.

Требует своего решения и вопрос о генеральной функции общения. Характерно, что в конкретнаучных исследованиях общения часто учтена его амбивалентность, но в силу специфики конкретнонаучного подхода предпочтение отдается какой-либо определенной стороне общения (или положительной, или отрицательной) в плане его влияния на личность.

Антиномический подход к общению в полной мере возможен лишь на уровне философского исследования. Когда психологи либо криминологи указывают на определенные проявления общения, несущие, по их мнению, компенсаторную нагрузку (как правило, речь идет о неаутентичной, негативной, еще более деформирующей личность компенсации), восполняющие, возмещающие что-либо, недостающее личности в ее повседневном общении, то невольно возникает вопрос: а возможна ли радикально иная компенсация, связанная с личностным ростом, совершенствованием сферы общения, а через нее – прогрессивное развитие личности в целом? Но в таком случае компенсация ли это? А если компенсация, то почему? Что компенсируется в компенсаторном общении и каким способом? Каковы сущность и природа компенсаторных процессов вообще и компенсаторно-коммуникативных в особенности? На эти вопросы невозможно ответить, основываясь на теоретическом арсенале частных наук. Они требуют философского решения. Это определило цель и задачи исследования.

Цель и задачи исследования. Главной целью диссертационного исследования является создание социально-философской концепции компенсаторного общения, реализующегося на уровнях коллективного и индивидуального бытия личности и способствующего гармонизации ее коммуникативного мира: преодолению либо смягчению одиночества во всем многообразии его проявлений. В соответствии с поставленной целью потребовалось решить следующие задачи:

- выявить специфику компенсаторных процессов вообще и социальной компенсации в особенности анализируя при этом основные типы компенсаторных процессов (собственно компенсация, сверхкомпенсация и декомпенсация) и раскрывая содержание понятий: первичная и вторичная компенсация, компенсаторный фонд общества, реаль-

ная и иллюзорная компенсация, необходимых для последующего анализа компенсаторного общения;

- произвести антиномический анализ общения в его сопряженности с одиночеством, выявляя амбивалентность ценностного наполнения рассматриваемых феноменов. Исходя из идеи субстанциональности общения доказать несубстанциональность одиночества, выступающего не как отсутствие общения, а как его недостаточность, неполнота, ущербность, нуждающиеся в компенсации;

- выяснить объективные и субъективные причины возникновения компенсаторного общения в условиях современной коммуникативной ситуации;

- исследовать компенсаторное общение как социальное явление и сформулировать понятие компенсаторного общения;

- выделить основные модальности субъекта компенсаторного общения, раскрывая компенсаторные возможности их виртуальных сочетаний, осуществляемых на уровне как коллективного, так и индивидуального бытия;

- рассмотреть основные проявления компенсаторного общения с точки зрения их ценностного наполнения, эффективности в деле преодоления одиночества, взятого в соответствующем измерении, и, соответственно, в плане их влияния на развитие личности, основываясь на специально разработанных критериях для отделения социально полноценного в компенсаторном общении от социально ущербного.

Методологические основы исследования. В решении поставленных задач автор опирается на гуманистическо-диалектические идеи К.Маркса, на принцип антиномического монодуализма С.Л.Франка и близких к нему концепций С.Н.Булгакова, П.А.Флоренского и др. С.Л.Франк связывал принцип антиномического монодуализма с диалектическим синтезом, с триадностью. Это сближает антиномическую диалектику и диалектику К. Маркса. Что же касается содержательной стороны, то, думается, материалистическое прочтение С.Л.Франка, как некогда Гегеля, вполне осуществимо.

Осмысление противоречий современной коммуникативной ситуации, способствующей активизации определенных проявлений компенсаторного общения, послужило поводом для обращения к диалогической онтологии М.Бубера. Для формирования методологических оснований исследования данной проблемы и вопросов, с нею сопряженных, привлекаются идеи философов-экзистенциалистов, а также представителей отечественной философии, всесторонне исследовавших диалектику *Я-Ты, Я-Мы отношения*. Ключевым является деятельностный подход. Особенно применительно к компенсаторному общению, которое выступает в качестве специфической деятельности, направ-

ленной на гармонизацию коммуникативного мира личности, ослабление или преодоление одиночества.

Научная новизна диссертации обусловлена прежде всего отсутствием в нашей научной литературе работ, посвященных проблеме компенсаторного общения, включая и социально-философский анализ указанной проблемы. Следовательно, научная новизна диссертации определяется разработкой целостной социально-философской концепции компенсаторного общения, реализующегося на уровнях социального и индивидуального бытия личности и способствующего гармонизации ее коммуникативного мира: преодолению либо смягчению одиночества во всем многообразии его проявлений. Социально-философский анализ компенсаторного общения позволил получить обоснованные обладающие научной новизной выводы, которые выносятся на защиту.

1. Показано, что компенсаторные процессы представлены на всех уровнях бытия и могут быть интерпретированы в качестве аспекта любого вида взаимодействия в природе и обществе. Благодаря компенсаторным механизмам объекты сохраняют свою качественную определенность, обеспечивают приращение упорядоченности, сложности и организации взаимодействующих систем. В связи с этим определены три возможных типа компенсаторных процессов: *собственно компенсация* (прямая компенсация), связанная с функционированием систем, когда в результате компенсации система достраивается, дополняется определенными компонентами без радикального изменения уровня ее целостности; *сверхкомпенсация* (возрастание уровня упорядоченности, сложности и организации в динамической системе) и *декомпенсация* (угасающая компенсация, то есть переход на более элементарный уровень системности и целостности). На основе специального анализа компенсаторных процессов в сфере социального сформулированы важные для последующего анализа компенсаторного общения понятия: первичная и вторичная компенсация, компенсаторный фонд общества, реальная и иллюзорная компенсация.

2. Обосновано, что социально-философский анализ проблемы общения наиболее продуктивно проводить в неразрывной связи с рассмотрением темы одиночества. Понятие «общение» охватывает любые межсубъектные взаимодействия: прямые и косвенные, реальные и воображаемые; причем как социально положительные, так и негативные, вызванные «злостными переживаниями». Учтены возможные как положительные, так и отрицательные следствия для самой личности, вытекающие из общения и из одиночества. Главное, что выделяет общение среди прочих способов социального взаимодействия – это ориентированность личности на другого/других, в какой бы форме коммуникативного поведения она не осуществлялась, как на лич-

ность/личности. Общение – субстанция человеческого бытия, оно прирождено человеческому бытию, выражает его сущность; одиночество – не субстанционально, но оно выражает качество самого общения. Одиночество – не отсутствие общения, а его недостаточность, неполнота, ущербность. Оно – индикатор деформации в сфере общения личности. При этом одиночество имманентно общению, неотделимо от него, но оно имеет различную степень остроты, часто выступает в латентных формах. Острое переживание одиночества побуждает личность к поиску компенсирующих неудовлетворительное общение связей.

3. Сформулировано определение компенсаторного общения как специфического вида деятельности, принимающий форму «общения ради общения», т.е. ради тех ценностей, что в нем (общении) заключены (важнейшая из них – ценность самоутверждения). Зарождаясь в недрах предметной деятельности, компенсаторное общение эмансипируется от нее и возлагает на себя задачу гармонизации сферы общения в том случае, когда она испытывает на себе последствия той или иной деформации, переживаемой как одиночество. Эта гармонизация происходит в результате первичной либо вторичной компенсации, реально или иллюзорно, посредством сверхкомпенсации, прямой компенсации или декомпенсации, сопровождаемых соответствующими последствиями.

4. Выявлены социальные причины компенсаторного общения и одиночества. Установлено, что наиболее общей причиной одиночества выступает деформация его структуры. В структуре общения выделяем два элемента: «вплетенное» в предметную деятельность общение и «общение ради общения», то есть общение ради тех ценностей, которые заключены в нем самом. Общение ради общения выступает как компенсаторное по отношению к общению вплетенному. Специфической функцией общения выступает функция самоутверждения, ибо только в ситуации общения выявляется действительная значимость и роль субъекта общения не только по отношению к его социальному окружению, но и в отношении всех возможных модальностей субъекта общения.

5. Осуществлена классификация компенсаторного общения, выделены основные модальности субъекта компенсаторного общения, предварительно намечены компенсаторные возможности их виртуальных сочетаний, рассматриваемых в дальнейшем на двух уровнях: на уровне социального бытия и уровне индивидуального бытия личности. Гармонизация коммуникативного мира и смягчение одиночества в одном измерении одновременно порождает одиночество в другом или даже в нескольких измерениях. Выступая в качестве особого вида дея-

тельности, общение способно к преобразованию жизненного мира личности и окружающих ее не только в границах сферы общения, но и за ее пределами: декомпенсация и сверхкомпенсация средствами общения производят тотальное преобразование личности, ее образа жизни, ценностей, интересов, уровня культуры. Соответственно изменяется и сама личность.

Научно-практическая значимость работы. Говоря о современной коммуникативной ситуации, многие отмечают проблемы, которые она порождает, вызывая у личности чувство одиночества, отчуждения, неприкаянности и т.д. Есть ли из этого положения выход? Обнаружен ли он уже людьми на уровне их эмпирического бытия, бытийствует в бесчисленных своих конкретных стихийных проявлениях и ждет теоретического осмысления? На поставленные вопросы следует ответить положительно. Предлагаемая в диссертации социально-философская концепция компенсаторного общения – наша попытка дать ответ на эти весьма важные в теоретическом и практическом отношениях вопросы. Объясняя, каким образом происходит и какой ценой оплачивается стихийная по преимуществу самоорганизация сферы общения личности, как она (личность) преодолевает либо смягчает одиночество (свое и чужое), опираясь при этом на главные типы компенсаторного общения, мы полагаем, что всестороннее осмысление этого феномена позволит в полной мере овладеть наиболее продуктивными способами компенсаторного общения, способствующего всестороннему развитию личности. Наша концепция может служить методологической предпосылкой для дальнейшего философского исследования проблем общения и одиночества, а также для дальнейшего прояснения проблемы человека, раскрывая его сущность, рассматриваемую через призму общения – этого многомерного жизненного отношения. Выводы диссертации могут составить методологическую основу в области социальной философии, социологии, социальной психологии, криминологии, педагогики. Результаты исследования могут быть использованы в практике правового и нравственного воспитания. Материалы и выводы диссертации могут быть применены в учебных курсах философии, социальной психологии, педагогики и др., а также для подготовки различных спецкурсов по проблеме общения.

Апробация диссертации. Результаты данного исследования отражены в 40 опубликованных работах общим объемом 35 печатных листов. Содержание диссертации доведено до сведения научной общественности в виде индивидуальной монографии, статей в научных журналах, сборниках статей и тезисов. Концепция, положенная в основу работы, основные идеи и фрагменты диссертационного исследования были представлены на 25 научных конференциях – междуна-

родных, республиканских, региональных в Екатеринбурге (1981, 1982, 1992, 1998, 1999), Ижевске (1987, 1989), Перми (1982), Братске (1987), Саратове (1988), Кемерово (1987, 1988), Уфе (1987), Челябинске (1990, 1990, 1993, 1993, 1994, 1997, 1998, 1998), Брянске (1992), Кургане (1993), Хабаровске (1995, 1997).

Научные сообщения по теме диссертационного исследования делались на философском факультете Уральского государственного университета им. А.М. Горького, на семинаре докторантов кафедры философии и культурологии Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при Уральском государственном университете им. А.М. Горького, на кафедре философии и политологии Челябинского государственного агроинженерного университета. На основе материалов диссертации разработан и читается в течение десяти лет студентам Челябинского государственного агроинженерного университета спецкурс «Теоретические и прикладные проблемы общения». Диссертация обсуждалась на кафедре философии и культурологии Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при Уральском государственном университете им. А.М. Горького и была рекомендована к защите.

Объем и структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения, снабжена списком литературы, включающим 416 наименований. Общий объем 328 страниц машинописного текста в компьютерной верстке.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность проблемы, характеризуется степень ее разработанности, определяются цели и задачи исследования, его методологические установки, определяется его новизна и научно-практическая ценность.

Глава 1 **«Специфика компенсаторных процессов»** посвящена выявлению специфики компенсаторных процессов вообще и социальной компенсации в особенности. Компенсаторное общение рассматривается как частный случай компенсаторных процессов, имеющих широкое распространение на различных уровнях бытия. Поэтому компенсаторное общение целесообразно анализировать «из глубины», позволяющей сформулировать основные методологические предпосылки для его исследования.

§ 1. **«Компенсаторные процессы в природе и обществе».** Понятие «компенсация» широко используется во многих отраслях научного знания. Трудно отыскать научную дисциплину, которая обходилась бы без этого термина, явно имеющего междисциплинарное значение. Да-

же там, где он непосредственно не используется, через иные понятия проглядывают процессы компенсации. Наиболее прозрачно они обнаруживают себя при анализе процессов живой природы, в сложных динамических саморегулирующихся системах.

Необозрима феноменология компенсаторных механизмов психики и поведения, даже видимая ее часть еще недостаточно изучена, хотя компенсаторные процессы в их значении для личности и общества издавна привлекали внимание зарубежных и отечественных обществоведов и психологов. В.М. Бехтерев и А.Дж. Тойнби сформулировали закон компенсации, который, в силу различия профиля их научных изысканий, фиксирует существенную связь различных явлений, но в основе обеих трактовок лежит общий принцип.

Психологическая компенсация наиболее аутентична социальной, между ними есть непосредственная взаимообусловленность и взаимопроникновение. Однако как бы ни были отдалены компенсаторные механизмы в неживой природе от двух последних, они все же являются их основой и в снятом виде в них содержатся. Поэтому нетрудно обнаружить сходные параметры в измерении компенсации, свойственные, по-видимому, всем уровням организации действительности: *полная и неполная, срочная и долговременная, обратимая и необратимая, статическая и динамическая* компенсации. Однако названные параметры не позволяют выявить искомую специфику компенсаторных процессов. Ее выявление возможно лишь на основе обращения к фундаментальным философским концепциям и идеям. Среди них главное значение имеют: теория отражения, теория самоорганизации, идеи системности и целостности. В соответствии с ними мы постигаем то предельно общее, что заключено в механизмах компенсации, а именно: способность различного рода систем сохранять определенное равновесие, восстанавливать его с помощью особых механизмов, постоянно возобновлять нарушаемую внешними воздействиями и внутренними изменениями устойчивость, целостность, способность оставаться тождественными себе. Компенсация, соответственно, понимается как процесс восполнения, возмещения, уравнивания чего-либо, но при этом она не может быть полностью объяснена принципом гомеостаза. Руководствуясь методом антиномического монодуализма (С.Л.Франк), можно полагать, что компенсаторные процессы, взятые в широком плане, не могут быть сведены ни к гомеостазису, ни к гетеростазису. Они и то, и другое и ни то, ни другое. Но на признании этого наше исследование не может остановиться. Поиск строго определенных «да» или «нет» приводит к выводу о том, что компенсация обычно осуществляется в одном из трех типов (метаформ): сверхкомпенсации, прямой компенсации (собственно компенсации) и декомпенсации (угасающей компенсации). Следуя предложенному Д.В. Пивоваровым способу прочтения гегелевской теории рефлексии, можно утверждать,

что, во-первых, компенсаторные механизмы формируются в границах взаимодействующих объектов; во-вторых, образовавшиеся компенсаторные механизмы оказывают обратное воздействие на все системы, в рамках которых они сложились. При достаточно объемных и энергичных взаимодействиях может существенно изменяться направление развития этих явлений. Прямая компенсация при определенных условиях может быть преобразована в сверхкомпенсацию либо в декомпенсацию, ибо здесь возможно осуществление «развития через отражение».

Прямая компенсация трактуется нами как одна из метаформ компенсации: внутренняя активность динамической системы, направленная на уравнивание происходящих в ней изменений и приводящая к новому состоянию динамического равновесия, при сохранении целостности системы на прежнем уровне организации и упорядоченности. В социальной сфере (в сфере общения) прямая компенсация проявляет себя как реальная компенсация, носит адаптивный (по типу гомеостазиса) характер, не выводя личность за пределы привычного (освоенного) коммуникативного мира, не способствуя ее личностному росту.

Наиболее предпочтительной выступает *сверхкомпенсация* – одна из метаформ компенсации; внутренняя активность динамической системы, направленная на уравнивание происходящих в ней изменений и приводящая к новому состоянию динамического равновесия, сопровождающемуся возрастанием уровня упорядоченности, сложности и организации в динамической системе. В социальной сфере сверхкомпенсация связана с неадаптивными формами активности (гетеростазис), осуществляется при опоре преимущественно на вторичную, дополнительную компенсацию (в ее творческих, поисковых формах), «на свое иное». В сфере общения оно (сверхкомпенсаторное общение) способствует личностному росту и радикальному преобразованию ее в целом на основе диалогического взаимоутверждения.

Декомпенсация рассматривается как одна из метаформ компенсации, как внутренняя активность динамической системы, направленная на уравнивание происходящих в ней изменений, разбалансирующих ее, и приводящая к новому состоянию динамического равновесия на более элементарном уровне упорядоченности, сложности и организации. Декомпенсация, рассмотренная в социальной сфере, как правило, выступает как иллюзорная (мнимая) компенсация. Как средство компенсаторного общения она в конечном счете ведет к разрушению социального субъекта и деформации сферы общения, в которую он включен.

Компенсаторные процессы, происходящие в различных сферах общественной жизни, основываются в своем осуществлении на *социальном компенсаторном фонде общества*. Социальный компенсатор-

ный фонд включает в себя накопленный обществом опыт поддержания гомеостаза (в случае стремления к прямой компенсации) и опыт достижения гетеростаза социальной системы или отдельных ее подсистем (например, сфера общения) с помощью разнообразных социальных компенсаторных механизмов. Всякий конкретно взятый социум располагает определенным компенсаторным фондом, который позволяет, с одной стороны, достигнуть равновесия общественной системе, с другой - личности обрести достижимый в данных условиях уровень целостности.

Произведенный в данном параграфе диссертации анализ социальных компенсаторных механизмов, функционирующих в сферах материального производства и распределения, вплетенных в деятельность социальных институтов и неформальных структур; рассмотрение с точки зрения компенсаторных процессов в них или посредством их происходящих таких социальных явлений, как праздник, некоторых ритуалов и иррациональных верований, мифотворчества, приводит нас к выводу о важности различения *реального* и *иллюзорного* в социальной компенсации.

§ 2. «*Реальное и иллюзорное в социальной компенсации*». Компенсаторные процессы как в живой, так и в неживой природе всегда объективно реальны и не включают в себя ничего из того, что можно было бы назвать иллюзорным. Если компенсаторные механизмы уже не способны, например, поддерживать гомеостазис системы, это ведет через декомпенсацию к ее разрушению. А декомпенсация - такой же объективно реальный процесс, как и компенсация. Иное дело - социальная компенсация. Здесь иллюзорная компенсация соседствует с реальной.

Реальное, если исходить из этимологии этого слова, истолковывается нами как действительное (таково одно из значений позднелатинского слова *realis*), иллюзорное (от лат. *illusorius*) – как призрачное, обманчивое, кажущееся. Но дело, разумеется, не ограничивается этимологией. Анализируя соотношение реального и иллюзорного в сфере социальной компенсации, мы опираемся на труды классиков марксизма, в которых тема иллюзорного продуктивно включена в исследуемые ими социальные процессы. Адекватной трактовке поставленной в данном параграфе задачи способствуют работы и современных исследователей. В частности, важное эвристическое значение для нас в указанном контексте приобретают синтетическая концепция идеального и концепция интранатурального как продукта иррационального компонента человеческой деятельности (Д.В.Пивоваров). У основоположников марксизма, например, нередко встречаются суждения об *иллюзорных формах* и *результатах* общественной практики. Что же такое иллюзорные результаты, как не материальное воплощение иллюзорных

целей, иллюзорное, вышедшее за пределы сознания, но не прервавшее пуповины, соединяющей его с ним? Ибо безотносительно к социальному субъекту эти результаты вполне реальны, как и любые результаты человеческой деятельности. Иллюзорное в социальной практике связано с неадекватным отражением социальной действительности. Из неадекватного, искаженного отражения и формируются впоследствии иллюзорные цели. «Это превращение в свою противоположность, это достижение в конечном счете такого пункта, который полярно противоположен исходному, составляет естественно неизбежную судьбу всех исторических движений, участники которых имеют смутное представление о причинах и условиях их существования и поэтому ставят перед ними чисто *иллюзорные цели*»¹ (курсив наш. - В.Г.). Интериоризация предметного полюса иллюзорного, формирование новых иллюзорных целей и их дальнейшая экстериоризация множат объем иллюзорного в сознании и действительности.

Что же касается *иллюзорных форм*, имеющих место в социальной действительности, то, анализируя политическую и экономическую сферы, К. Маркс отмечал, что «...всякая борьба между демократией, аристократией и монархией, борьба за избирательное право и т.д. и т.д. - представляет собой не что иное, как *иллюзорные формы*, в которых ведется действительная борьба различных классов друг с другом»² (курсив наш. - В.Г.). Что касается прибавочной стоимости, то она «приобретает форму *прибыли*, без количественного различия между той и другой. Это лишь *иллюзорная форма* проявления прибавочной стоимости»³ (курсив наш. - В.Г.). И, наконец, государство, по Марксу, выступает как *иллюзорная форма* всеобщности⁴.

В приведенных фрагментах мы постоянно сталкиваемся с репрезентацией одного через другое: прибавочной стоимости через прибыль, частного интереса через всеобщий и т.д. Убеждаемся, что иллюзорное существует виртуально, не принадлежа абсолютно ни объекту, ни субъекту, взятым в отдельности, как своего рода интегральная функция субъектно-объектного отношения. Все это признаки идеального⁵. Иллюзорное, следовательно, имеет самое прямое отношение к идеальному, но как ложная идеальная репрезентация⁶. Ложная идеальная репрезентация может возникать и в границах субъектно-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 21-22.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 32.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 60.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 33.

⁵ См.: Пивоваров Д.В. Проблема носителя идеального образа: операционный аспект. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1986.

⁶ См.: Любутин К., Пивоваров Д. Синтетическая теория идеального. Псков: ПОИПКРО, 2000.

субъектного отношения (общения). Возникший в результате «зеленый эффект», которого никто не ожидал или по крайней мере его не предвидели непосредственно взаимодействующие субъекты, будет нуждаться в компенсации. Любая активность социального субъекта, особенно в новой для него форме, вынесенная вовне, вызывает временное разбалансирование социальной системы. Следующий акт должен быть направлен внутрь, дабы вновь восстановить утраченное в результате предыдущего шага равновесие. Возможно, в одном случае лидирующее компенсаторное значение приобретает совершенствование законодательства, политической системы, форм идеологии, в другом совершенствование системы образования.

Реальное и иллюзорное в социальной компенсации подчас трудноразличимы. Но иллюзорная компенсация сопряжена с декомпенсацией и зачастую маскирует начало этого процесса. Как правило, декомпенсация не единовременный акт. Чаще всего о ней можно судить лишь тогда, когда результат ее действия становится необратимым. Конечно, для любой системы предпочтительна реальная компенсация, еще лучше сверхкомпенсация, если не принимать во внимание целенаправленно тиражируемые в обществе и ориентированные на определенные социальные слои средства иллюзорной компенсации. Иллюзорная компенсация, осуществляемая в разумных пределах, дает временную передышку в ситуациях невозможности. Это касается прежде всего таких исторических условий, в которых реальная компенсация затруднена.

С этой позиции можно подойти, например, к анализу компенсаторного значения многочисленных древнегреческих и древнеримских праздников, а также спортивных состязаний античного мира. В хронотопе праздника временно устанавливались социальное единство и однородность, уже утраченные в раннеклассовом обществе, устранялись на время социальные различия, непреодолимые в повседневной жизни. Иллюзорная компенсация в этих условиях выполняла роль своеобразного «предохранительного клапана», значимость которого особенно возрастала в кульминационные периоды социального напряжения. Найденная однажды форма социальной компенсации вливалась в социальный компенсаторный фонд и сознательно использовалась господствующими классами в более поздние исторические периоды.

С иллюзорной компенсацией в хронотопе праздника можно связать и обычай перераспределения материальных ценностей посредством даров, подарков, пожертвований, угощений¹. Иллюзорность достигаемого подобными средствами равновесия очевидна, ибо за их счет

¹ См.: Жигульский К. Праздник и культура. М.: Прогресс, 1985. С. 118-119.

едва ли кто-либо заметно изменял свое имущественное или социальное положение.

Иллюзорно-компенсаторный эффект может достигаться не только благодаря созданию иллюзии тотального единства общества, но и за счет подмены одних форм противостояния между различными социальными группами другими, менее острыми. Так, политическая оппозиция может быть подменена зрелищной - спортивной или театральной. В границах такого противостояния победа не дает видимых преимуществ, а поражение не оборачивается гибелью. Будучи продолжением политических баталий, театральные партии выступают особой формой их выражения. Иллюзорная победа той или иной позиции может скрадывать трудности реальной политической борьбы. С другой стороны, иллюзорная компенсация в данной форме способна усиливать реальные процессы, стимулировать консолидацию сил, формирование единства, осознание задач не только на рациональном, но и на чувственно-эмоциональном уровне. Таким образом, иллюзорная компенсация может трансформироваться в реальную компенсацию и сверхкомпенсацию.

В этом параграфе работы невольно рассматривались среди реальных и иллюзорных социальных компенсаторных механизмов и коммуникативно-компенсаторные. Оценивались и их возможности в деле гармонизации коммуникативного мира личности. Однако не определив содержания понятий «общение», «компенсаторное общение», трудно говорить о конкретных проявлениях коммуникативно-компенсаторных процессов. Между тем, это задача следующей главы.

В главе 2 ***«Компенсаторное общение как способ гармонизации коммуникативного мира личности и смягчения одиночества»*** методологические приемы и теоретические положения, добытые в ходе анализа компенсаторных процессов вообще и социальной компенсации в особенности, используются для исследования одного из важных ее проявлений – компенсаторного общения.

В § 1 ***«Общение и одиночество в зеркале антиномий»*** анализ общения как многомерного жизненного отношения (отношения человека к миру и вещам, отношения к людям, то есть к отдельному человеческому множеству и к своей самости) сопровождается симультанным исследованием человеческого одиночества, вызываемого неспособностью личности освоить то или иное жизненное отношение. Одиночество так же многомерно, как и общение. Но в отличие от общения оно не субстанционально. Одиночество представляет собой определенную характеристику общения с точки зрения его качества. Одиночество – не отсутствие общения, а его недостаточность, неполнота, ущербность. Анализируя наиболее известные концепции одиночества и общения, мы приходим к выводу, что в век индивидуализма антино-

мически противостоят друг другу, с одной стороны, вполне определившиеся представления об онтологическом статусе одиночества как метафизической характеристике человеческого существования и идея о том, что *человек онтологически пребывает в общении*, что он «обречен на общение», с другой.

Принимая предельно обобщенную дефиницию понятия «общения» как *взаимопроникновения раздельного* (С,Л,Франк), мы убеждены, что в ней имплицитно содержится представление и об одиночестве. Поскольку общение – «единство раздельности и взаимопроникновения <...> сполна актуализируется в совершенном равновесии (хотя и всегда лишь «неустойчивом»)»,¹ постольку одиночество означает, что «совершенное равновесие» заметно нарушилось и раздельность преобладает над взаимопроникновением. Нарастание раздельности означает усиление одиночества. Углубление взаимопроникновения вплоть до полного взаимопоглощения также угрожает общению. Это крайние полюса *Я-Ты отношения* – теоретические ситуации. В *Я-Ты* и *Я-Мы* отношениях одиночество выступает аналогом механизма обратной связи, запускающим коммуникативную активность личности всякий раз, когда нарушается равновесие между раздельностью и взаимопроникновением в направлении усиления раздельности. Из сказанного следует, что одиночество представляет собой определенную характеристику, качество общения, оно имманентно общению, оно всегда латентно присутствует в совершенном единстве взаимопроникновения раздельного, но становится явным, ощутимым при нарушении указанного равновесия. Посредством переживания одиночества оказываются проявленными определенные деформации общения (недостаточность одних его составляющих и избыточность других) и, соответственно, его однобокость, ущербность. Человек никогда не покидает сферу общения. Даже полное уединение, изолированность от окружающих бывают наполнены интенсивной внутренней коммуникацией, которая в свою очередь может оказаться разочаровывающей в результате конфликта ценностей, внутренней ущербности, низкой самооценки, потери самоуважения, эмоциональной бедности и так далее. Эти состояния неизбежно сопровождаются острым переживанием одиночества.

Любая попытка определения ценностного наполнения общения и одиночества осуществляемая на основе многовекового опыта исследования этих феноменов обнаруживает антиномический характер вкладываемого в них содержания. Ибо неожиданно как взаимоисключающие начинают перекрещиваться оценки общения с точки зрения блага, которое оно в себе заключает, и зла, которым оно сопровождается. Еще в большей мере сказанное относится к одиночеству. Осмыслить

¹ См.: Франк С.Л. Непостижимое // Соч. М.: Правда, 1990. С.372.

это многоголосие отчасти помогает концепция «*необщительной общительности*» И.Канта. Действительно, говоря о вполне определенном проявлении общения, общении вынужденном, несвободном, но совершенно необходимом в утилитарном плане, мыслители прошлого невольно, как думается, создавали предпосылки для диаметрально противоположных вариантов оценивания общения как такового, взятого абстрактно: для абсолютизации *позитивных* сторон общения в одном случае и *негативных* в другом. Первые следствия могли быть выведены практически непосредственно: если общение жизненно необходимо, то оно есть благо; вторые выводились лишь опосредованно, но всегда вытекали из понимания определенной несвободы, стесненности, ограничений в выборе условий, круга, средств, стиля, норм и так далее общения, его возможных нежелательных влияний на формирование личности, на ее духовное самочувствие. Вслед за осознанием полезности вполне определенных утилитарно ориентированных отношений общения происходило невольное акцентирование внимания на социально положительном в общении вообще, часто *однозначно положительном*. Тогда общение провозглашалось высшей ценностью, которая определяет все остальное. Позитивный аспект общения был чрезвычайно усилен стараниями многих мыслителей разных эпох вплоть до XX столетия. Поэтому позднейшие попытки определить содержание феномена общения привели к чрезвычайному завышению стандарта самого общения и, соответственно, сужению той сферы, которая заслуживала того, чтобы быть обозначенной как общение. «Планка общения» была высоко поднята над эмпирической реальностью человеческих отношений, на самом деле носящих по необходимости амбивалентный характер и причудливо соединяющих в себе «горнее» и «дольнее». Отечественная философия крайне редко обращалась к рассмотрению негативных явлений в сфере общения. Антиномическое рассмотрение общения выявляет как две основные формы существования *Я-Ты отношения*, так и два момента, имманентно присущих всякому конкретному *отношению Я-Ты*: положительное и отрицательное *отношение Я-Ты*, «единство тайны страха и вражды с тайной любви» (С.Л. Франк). Если первая форма *Я-Ты отношения* при всех опасениях на ее счет все же выводит человека из одиночества его существования, то *Я, стоящее перед любым объектом, остается одиноким*. Поэтому свободное стремление к *Я-Ты отношению* во второй, такой привлекательной для личности форме, ослабляется страхом возможной встречи с объектом вместо желаемого *Ты*. Не менее страшит личность перспектива превратиться для другого в объект манипулирования, встретить к себе отношение не как к равноправному *Ты*, а как к объекту. Указанные страхи порождают неуверенность в общении и стремление, насколько это возможно, избежать его в тех формах, ус-

ловиях, обстоятельствах и ситуациях, что представляются личности наиболее опасными. Отсюда возможные деформации в структуре общения. Наиболее радикальный вариант ускользания от прямых контактов с окружающими - уход в *квазиобщение* и в *общение с субъективированными объектами*. Сами по себе эти виды общения — совершенно необходимые и естественные феномены культуры, играющие важную роль в социальной регуляции и в саморегуляции личности. Однако их преобладание в структуре общения личности чревато ее отчуждением от других социально значимых видов общения. Под угрозой оказывается и полнота ее участия, степень вовлеченности в предметную деятельность, необходимой стороной и аспектом которой выступает *вплетенное общение*. Однако человек может участвовать в предметной деятельности и в сопряженном с ней общении частично и функционально. Сама же логика развития общения и его субъектов уже давно привела к тому, что «вплетенное» общение *попутно* создает условия для реализации разнообразных коммуникативных потребностей личности далеко за пределами утилитарных целей предметной деятельности. Указанная логика создала своеобразную надстройку над «вплетенным» общением – «*общение ради общения*». Оно выступает как *особый вид деятельности*, имеющий собственные цели и ценности.

«Общение ради общения», по сути дела, синоним компенсаторного общения, восполняющего, возмещающего что-либо недостающее в общении «вплетенном». Эти понятия соотносительны и использование одного из них предполагает незримое присутствие другого. Компенсаторным общение бывает не вообще, а по отношению к чему-либо. Там, где, образно говоря, заканчивается «вплетенное» общение, берет начало компенсаторное. Однако оно должно набрать достаточную силу, дабы преодолеть определенный порог восприятия. Обычно мы фиксируем очевидные, «бьющие в глаза» проявления компенсаторного общения. Поэтому оно и ускользает от прямого определения. Выяснению содержания понятия компенсаторного общения посвящен следующий параграф.

В § 2 «**Понятие компенсаторного общения**» мы осуществляем синтез того, что стало известно нам в ходе анализа компенсаторных процессов вообще и социальной компенсации в особенности, а также в процессе рассмотрения общения и одиночества в зеркале антиномий. В первую очередь это касается непосредственно содержания понятия «компенсаторное общение». Оно принадлежит к числу понятий, которые задолго до их разъяснения вызывают ряд ассоциаций. В том числе легче всего придать термину «компенсаторное общение» сугубо негативный смысл. Этому способствует то обстоятельство, что вполне определенные негативные явления в сфере общения, выступающие

предметом конкретнонаучного исследования, как правило, имеют компенсаторную природу. Но будет ошибочным расценивать любые коммуникативные процессы как социально отрицательные. Подобно компенсаторным процессам, рассматриваемым нами в более широкой, чем только общение, перспективе, компенсаторное общение предстает перед нами в трех типах: прямая компенсация, сверхкомпенсация и декомпенсация средствами общения. Отсюда вытекает необходимость дифференцированного подхода к коммуникативно-компенсаторным процессам, учета их социальной, нравственной и т.д. направленности. Что же общее в таком случае можно обнаружить у столь различных в ценностном измерении социальных явлений? Думается, что во всех случаях компенсаторное общение тем или иным способом решает задачу гармонизации коммуникативного мира личности либо какого-то иного субъекта общения, например, малой группы.

Ранее уже отмечалась важность различения «вплетенного» в предметную деятельность общения и общения, эмансипировавшегося от предметной деятельности. Исторические условия, в которых общение выступает преимущественно в качестве стороны, аспекта, необходимого условия осуществления материального производства, не порождают в полном объеме проблемы компенсаторного общения. Компенсаторное общение возможно лишь в случае формирования самостоятельной потребности в общении как относительно самоценной формы взаимодействия индивидов. Относительно самоценной, потому что видимое на поверхности «общение ради общения» в самом деле генетически и структурно было связано с общим усложнением социальной жизни и материального производства, требующими дополнительных источников усиления сплоченности и организованности членов первобытного коллектива. Таким образом, коммуникативная надстройка над непосредственно «вплетенным», необходимым для осуществления материального производства общением составила исходный базис компенсаторного взаимодействия, которое уравнивало неполноту первого.

В качестве парадигмы возникновения компенсаторного общения на основе своеобразной эволюции общения «вплетенного» в диссертации проводится ретроспективный анализ дружеского общения от его реликтовых форм до современного состояния.

Сопоставляя компенсацию и сверхкомпенсацию, необходимо отметить, что компенсацию мы связываем в первую очередь с ориентацией на потребление, сверхкомпенсацию - с активным проявлением деятельностного начала. Компенсаторному общению свойствен некий «эгоцентризм», ибо оно направлено в первую очередь на себя, а не на другого. «Эгоцентризм» компенсаторного общения преодолевается в

сверхкомпенсаторном общении, которое, имея много общего с первым в плане причин возникновения, отличается от него прежде всего своей направленностью на другого. Сущность этого процесса выражена А.А. Ухтомским в терминах его учения о доминанте. «Труд над собой и ради другого» гармонизирует не только внутренний мир личности, переводя его на более высокий уровень целостности, но и экстериоризуется вовне, совершенствуя среду общения в целом. Сверхкомпенсация, следовательно, может быть оценена как своего рода творчество в сфере общения. Она сопряжена с усилиями по гармонизации внутреннего мира ближнего и достижима лишь при условии решения этой задачи.

В иллюзорной сверхкомпенсации посредством общения акцент также перенесен на другого, но индивидуальная гармонизация осуществляется за счет дегармонизации коммуникативного мира партнера по общению или углубления уже имеющейся у него дисгармонии. В реальной сверхкомпенсации опора происходит на безусловно сильные, привлекательные стороны личности партнера по общению или по крайней мере на ростки таковых. Иллюзорная сверхкомпенсация так же, как и реальная, использует в своем арсенале “обходной путь”. Она также ориентирована на другого. Только если в случае реальной сверхкомпенсации другой выступает в качестве цели, то в иллюзорной лишь как средство уравнивания собственного внутреннего мира. В первом случае происходит действительный обоюдный личностный рост, *диалогическое взаимоутверждение Я и Ты* (М.Бубер), во втором - *иллюзорное возвышение одного за счет и на фоне снижения другого*.

Иллюзорная сверхкомпенсация часто неразборчива в выборе своих приемов. В гностическом плане она опирается на выявление у “средства” сверхкомпенсации наиболее уязвимых сторон его личности, создающих возможность успешного манипулирования его поведением. Характерными образчиками иллюзорной сверхкомпенсации такого рода выступают хулиганские действия по отношению к окружающим, стремление эпатировать или подавлять их, вызывая чувство страха и зависимости. Средствами иллюзорной сверхкомпенсации могут оказаться не только люди, но и животные, и даже неодушевленные предметы, которые поневоле выступают здесь в качестве субъективированного объекта (М.С.Каган).

Чтобы оценить роль собственно компенсации в коммуникативно-компенсаторных процессах, следует подойти к проблеме аналитически. Если следовать весьма распространенной трехкомпонентной схеме, то в компенсаторном общении можно выделить *эмоциональную, интеллектуально-гностическую и деятельностьную* направленности. Сверхкомпенсация (реальная и иллюзорная) связана с вынесением деятельностьной установки на другого, и только посредством ее реализации возможна гармонизация внутреннего коммуникативного мира

субъекта сверхкомпенсации, сопровождающаяся переходом на новый уровень целостности. В зависимости от того, с реальной или иллюзорной сверхкомпенсацией связано обновление личности, она “возвращается” в сферу предметной деятельности, в систему институциональных и прочих стабильных связей обогащенной или, напротив, обедненной. Что в конечном счете сказывается в дальнейшем на всех ее жизненных проявлениях.

Сверхкомпенсация отнюдь не чисто количественное измерение. Больше или меньше информации как таковой или эмоциональных компонентов в общении еще не образует сверхкомпенсации. Важно другое: выводят ли данная информация и эмоциональные составляющие общения за границы прежней целостности, создавая одновременно желаемую гармонию в коммуникативном мире личности, или искомая гармонизация достигается в пределах прежнего единства социальных параметров личности.

Занимая промежуточное положение между сверхкомпенсацией и декомпенсацией, собственно компенсация означает неустойчивое, легко нарушаемое равновесие, своеобразную “отсрочку”. Неустойчивость собственно компенсаторного общения обусловлена тем, что будучи ориентировано на частичное восполнение одного какого-то аспекта человеческих связей, оно легко может быть запредельно и односторонне насыщено искомыми компонентами. А это в свою очередь может вызывать еще большее разбалансирование коммуникативного мира личности.

Наличие компенсаторных механизмов общения не гарантирует успешности компенсации. Когда они не срабатывают, происходит *декомпенсация*, означающая переход на более элементарный уровень гармонии индивидуальной сферы общения.

Оценивание коммуникативно-компенсаторных процессов усложняется наличием в них *первичной* и *вторичной* компенсации. Если принять за первичную, базовую компенсацию выделение общения в особый вид деятельности, гармонизирующий “вплетенное” общение, то недостаточность первичной компенсации вызывает к жизни вторичную, дополнительную. Появление последней означает, что первичная компенсация срабатывает, скорее, на коллективном, чем на индивидуальном уровне. Точнее, для гармонизации коммуникативного мира личности уже недостает тех сложившихся компенсаторных механизмов, в которые она включена автоматически в силу ряда обстоятельств: этнических, классовых, культурных, образовательных, возрастных, половых и т.д. Первичная компенсация, как правило, социально одобряема или по крайней мере признана. Она, если можно так выразиться, входит в официальный компенсаторный фонд и, как ни парадоксально это звучит, настолько органично входит в культуру, в необ-

ходимые условия бытия социума, что вовсе не воспринимается как компенсация. Вторичная компенсация часто вызывает настороженность, в иных случаях враждебность. Хотя сам “инструментарий” вторичной компенсации чаще всего заимствуется из первичного компенсаторного фонда. “Криминал” в этом случае заключается в том, что он (инструментарий) незаконно узурпируется теми, на кого не распространяется по существующим нормам. Образование вторичного компенсаторного фонда происходит и за счет экспериментирования в сфере общения. Первичный и вторичный компенсаторные фонды взаимопроникают друг в друга. Некоторые элементы первичного компенсаторного фонда переходят во вторичный и наоборот. Таким образом, вторичная компенсация связана с отрицанием социокультурной заданности коммуникативной среды, в которую личность погружена изначально.

Рассмотренные выше особенности коммуникативно-компенсаторных процессов позволяют дать общую дефиницию компенсаторного общения. Под компенсаторным общением в широком смысле понимается общение, выделившееся из состава предметной деятельности, где общению принадлежит роль условия ее осуществления и своего рода подсистемы, и направленное на гармонизацию коммуникативного мира личности в случае его деформации, переживаемой как одиночество. Эта гармонизация происходит в результате первичной либо вторичной компенсации, реально или иллюзорно, посредством сверхкомпенсации, прямой компенсации или декомпенсации, сопровождаемых соответствующими последствиями.

§ 3. **«Социальные причины компенсаторного общения».** При рассмотрении социальных причин компенсаторного общения автор опирается на идею сложности, многокомпонентности социальной причины как единого целого. Объективные и субъективные причины компенсаторного общения рассматриваются с точки зрения диалектики общего, особенного и единичного. Учитываются внутренние и внешние, случайные и необходимые причины. Взятые в отдельности объективные условия общения помогают обнаружить имеющиеся трудности и препятствия на пути полноценного общения и определить русло их преодоления. При этом многое будет зависеть и от собственных коммуникативной активности и избирательности субъекта общения.

Предельно *общей* объективной причиной коммуникативно-компенсаторных процессов выступает та или иная деформация структуры «вплетенного» общения, которая гармонизируется за счет компенсаторного потенциала коммуникативно-компенсаторного фонда. Чем радикальнее эти изменения, тем большая нагрузка ложится на компенсаторный фонд. Особенно заметную роль коммуникативно-компенсаторные процессы начинают играть в периоды резкой смены

коммуникативной ситуации, когда в результате коренных социальных изменений в целом одновременно разрушаются прежние условия общения и возникают новые, непривычные, требующие освоения. Тогда нагрузка на первичный компенсаторный фонд многократно увеличивается, и все большее значение начинает приобретать вторичная компенсация.

Поскольку изменения, происходящие в условиях общения, прежде всего запечатлеваются в его структуре, в соотношении основных ее элементов, постольку в диссертации специально анализируется вопрос о структуре общения. Построение структурной модели общения учитывает различие между *«вплетенным»* общением и *общением ради общения*, представляющими собой два основных рода общения. Это разделение автор считает исходным, так как дальнейшее структурирование общения принципиально от него зависит. Структура *«вплетенного»* общения образует чрезвычайно значимый пласт *макроструктуры* общения, выражающий условия общения, в которые субъект погружен с необходимостью. Это внешние условия общения, своеобразная *коммуникативная ситуация*, мало зависящая от усилий отдельных субъектов. Макроструктура общения в единстве всех составляющих ее элементов: общение *непосредственное* и *опосредованное*, *функционально-ролевое* и *лично ориентированное* приводит в движение *микроструктуру* общения, весьма динамичный и гибкий комплекс, своего рода внутренний механизм обратной связи в структуре самого общения. Иницируя общение как деятельность особого рода, внутренняя структура общения может быть проанализирована по аналогии с предметной деятельностью и рассмотрена по схеме *нужда — потребность — интерес — мотив — цель — стимул — средство — объект — процесс — результат* общения. Прослеживая развертывание этой цепочки, диссертант показывает, как на каждом из этапов могут складываться условия для формирования компенсаторного общения и какую направленность оно может принимать.

Если деформация структуры *«вплетенного»* общения является предельно общей объективной причиной возникновения коммуникативно-компенсаторных процессов, то реальное содержание этой деформации всегда достаточно конкретно. Оно рассмотрено в диссертации как на уровне особенного, так и на уровне единичного. В первом случае учитываются особенности данной конкретной коммуникативной ситуации, имеющей историческое, национальное, региональное, вообще надличностное значение. Во втором, напротив, выявляется, как эта коммуникативная ситуация сопряжена с индивидуальными условиями общения, которые могут либо усиливать, либо ослаблять ее воздействие.

Важнейшими факторами, обусловившими в последние десятилетия коренные изменения в условиях и средствах общения людей, явились научно-техническая революция и урбанизация, а также связанные с ними процессы развития системы массовой коммуникации и компьютеризация. Существенные социальные и социально-психологические следствия этих изменений рассматриваются как объективные причины происхождения и активизации коммуникативно-компенсаторных процессов на уровне *особенного*.

Однако компенсаторно-коммуникативные процессы вовсе не являются лишь современным изобретением, а характерны и для довольно отдаленных от нас эпох. Установлено, что те или иные проявления деформации в структуре общения людей всегда были связаны с исторически определенными формами отчуждения людей от природы, от различных сторон общественной жизни, социальных институтов, процессов и продуктов собственной деятельности, от окружающих и самих себя. *Отчуждение всегда связано с искажением диалогического отношения*, подменой Я-Ты и Я-Мы отношениями Я-Он/Они, Я-Оно. Эскалация субъект-объектного отношения к природе, отчуждающая человека от нее, углубление переживания космического одиночества могут быть смягчены компенсаторным общением с природой. НТП и урбанизация, с их противоречиями и негативными следствиями на нынешнем этапе развития, в совокупности с актуальными социокультурными и нравственными проблемами нашего времени, еще более остро ставят проблему отчуждения и соответственно компенсаторного общения.

Проведенный автором анализ современной коммуникативной ситуации показал, что наиболее «дефицитными» выступают эмоциональные и деятельностно-волевые компоненты общения, связанные с осуществлением генеральной функции общения – функцией самоутверждения.

Современная коммуникативная ситуация предъявляет повышенные требования к наличию у личности таких качеств, как разумная *активность в общении*, *избирательность* в общении, связанная с *ответственностью* в общении; коммуникативная *мобильность* и *вариативность* коммуникативного поведения; *толерантность* в общении, понимаемая как «уважение к чужой позиции в сочетании с установкой на взаимное изменение позиций в результате критического диалога» (В.А. Лекторский); коммуникативная *привлекательность* и *компетентность* в общении. Наличие этих качеств, характеризующих уровень индивидуальной культуры общения личности позволяет овладеть коммуникативной ситуацией и избрать такие способы компенсаторного взаимодействия, которые соответствуют сверхкомпенсации в сфере общения.

В главе 3 «*Уровни компенсаторного общения*» рассмотрены основные проявления компенсаторного общения на уровне коллективного и индивидуального бытия.

В § 1 «*Классификация компенсаторного общения*» рассматриваются различные основания, по которым возможна классификация компенсаторного общения. В ходе анализа рассматриваемых оснований становится ясно, что в качестве базовой классификации следует принять *систему субъектно-субъектных отношений*, на основе которой может возникать компенсаторное общение. Прочие подходы приобретают вспомогательное значение. Методологической и теоретической основой для осуществления указанной классификации служат выработанные М.С.Каганом представления о субъекте общения и основных его модальностях, включающих как переходные, так и синтетические формы. Опираясь на них, можно установить, какие модальности субъекта участвуют в создании компенсаторного взаимодействия, каковы при этом возможные сочетания субъектно-субъектных отношений и мера активности составляющих его сторон. Так, наиболее очевиден контакт между реальным, индивидуальным субъектом и реальным, индивидуальным субъектом же (Sp.инд. ↔ Sp.инд.). Менее очевидно, но в теоретическом плане все чаще становится предметом научного исследования взаимодействие между двумя реальными, совокупными субъектами (Sp.совокупн. ↔ Sp.совокупн.). Выделяя Sp.инд. и Sp.совокупн., уместно, на наш взгляд, предусмотреть их взаимодействие в сочетаниях Sp.совокупн. → Sp.инд. и Sp.инд. → Sp.совокупн.. Стрелка, имеющая одно остриё, в данном случае указывает, что инициатива в общении часто принадлежит либо Sp.инд., либо Sp.совкупн. Выделение указанных сочетаний приобретает особо важное значение для понимания сущности целого ряда проявлений компенсаторного общения. Различные модальности Sp.совокупн. предоставляют неодинаковые возможности для осуществления подобных проявлений компенсаторной коммуникации. Поэтому в диссертации специально анализируется тезаурус Sp.совокупн., что в свою очередь влечет дополнительное раскрытие его структуры.

Возникновение и развитие субъектных свойств — *свободной активности*, опосредуемой *целеполаганием* и *самосознанием* (М.С.Каган), происходит не одномоментно. Это длительный процесс, осуществляющийся на основе “зачатков” субъектности в границах самого субъектно-субъектного отношения, а не до и помимо его установления. “Вольтова дуга” субъектно-субъектного отношения должна “замкнуться” хотя бы на какой-то наличной субъектной основе, и лишь тогда возможно дальнейшее наращивание субъектных свойств. Наиболее очевидно это при рассмотрении такого субъектного свойства, как *уникальность*. Логически вполне правомерно видеть в нем «ре-

зультирующее свойство субъекта, завершающее его характеристику» (М.С.Каган). Полиmodalность субъекта, раскрываемая во множественности его возможных сочетаний с другими субъектами иной modalности, выдвигает свойство уникальности на первый план. Ибо уникальным можно быть только для другого, для субъекта же. Субъект — инициатор общения как бы наделяет нечто свойством уникальности, опираясь, конечно, в каждом отдельном случае на какие-то объективно присущие объекту наделения основания. Именно обнаружение индивидуальных, неповторимых черт у конкретного представителя животного мира выделяет его в наших глазах из множества сородичей и позволяет очеловечивать, наделяя чертами субъекта. Обнаружение индивидуальных черт, а не простая антропоморфизация, основанная на определенном сходстве целого вида с человеком лежит в фундаменте превращения животного в субъект общения. Поэтому некоторые из Sr.совокупн. правильно было бы обозначить как частичный субъект, ибо они не обладают всеми признаками сформировавшегося субъекта.

В качестве субъекта общения (по М.С.Кагану) может выступать и *объективированный субъект* или *культура*. М.С. Каган специально выделяет в контексте общения реальных партнеров — *общение культур*¹. Это совершенно справедливо, ибо доказано, что единственный способ существования культуры как культуры — есть диалог². Диалог культур может быть представлен в его компенсаторном значении при всех возможных вариантах компенсаторно-коммуникативного процесса (собственно компенсации, сверхкомпенсации и декомпенсации), ибо в сложном процессе взаимодействия культур не исключен вариант частичного и функционального использования иной культуры в соответствии с принципом дополнительности (собственно компенсация), когда чужая культура как бы заполняет пустоты, оставляемые собственной, не меняя радикально ее смысла. Это псевдиалог, характерный для компенсаторного общения. В той мере, в какой две культуры взаимно обогащают друг друга, образуя неслиянное единство, происходит *сверхкомпенсация*. И, наконец, когда одна культура утверждает себя шельмованием другой и главные усилия сосредотачивает на этом направлении, происходит процесс *декомпенсации*, воспринимаемый в границах данной культуры как сверхкомпенсация. Но сверхкомпенсация эта иллюзорна.

Учитывая, что компенсаторное общение может осуществляться (впрочем, как и вплетенное) в границах *аутокоммуникации* как внутреннего диалога, в данном параграфе намечены основные modalности субъекта, принимающего участие в этом диалоге с Sr.инд. Прежде

¹ См.: Каган М.С. Указ. соч. С. 250.

² См.: Библер В.С. Культура. Диалог культур (Опыт определения) // Вопр. философии. 1989. № 6. С. 31-42.

всего это *субъективированный объект* или иллюзорный партнер (М.С.Каган). Вещественным субстратом этого объекта может быть как природа в целом, так и отдельные ее проявления (животные, растения и т.д.), а также рукотворные вещи. Естественно, что не будучи вызваны к жизни в качестве субъектов нуждающимся в расширении круга своего общения человеком, они субъектами не являются. Контакт с ними сводится в сущности к аутокоммуникации, то есть самообщению, общению различных ипостасей личности. Внутреннее общение может выступать в очищенном от такой чувственной наглядности виде, как простое *взаимодействие различных “смысловых позиций”* (Г.М.Кучинский). *Общение с воображаемым партнером* (отсутствующим или вымышленным) — это уже следующая ситуация, в которой целостное “я” субъекта противостоит “квазисубъекту”, в то время как все ипостаси “я”, представляющие различные смысловые позиции одной личности, одинаково реальны, но реальность эта субъективная.

Наконец, четвертая ситуация компенсаторной аутокоммуникации возможна на основе внутреннего диалога с культурой – с *духовными сущностями* (М. Бубер), с *объективированным субъектом* (М.С. Каган). Если речь идет о персонифицированных образах (персонажах), то мы имеем дело с предыдущей ситуацией. Однако в данном случае имеется в виду другое. Поскольку одним из материальных, “буквальных” воплощений культуры, результатом рукотворной деятельности человека, его постоянным спутником, строительным элементом его мира является *вещь*, постольку в качестве четвертой ситуации компенсаторной аутокоммуникации нами предлагается *общение с вещью*. Вещь как явление культуры связана с двумя формами синтеза объекта и субъекта. С одной стороны субъективность творца обретает в вещи объективированное материальное инобытие (*объективированный субъект*), с другой стороны в общении с вещью выявляется её ценностное содержание как *субъективированного объекта*. Общение с вещью может быть, как и все предыдущие варианты аутокоммуникации, в одних обстоятельствах необходимой стороной предметной деятельности, в других, будучи самоценным, “общением ради общения”, выполнять компенсаторную роль. Более весомое обоснование выделения намеченных позиций с последующим подробным их анализом осуществлено ниже.

Указанные сочетания компенсаторных взаимодействий целесообразно рассматривать на двух уровнях: уровне коллективного бытия и уровне индивидуального бытия.

В § 2 **«Компенсаторное общение на уровне коллективного бытия»** анализируется компенсаторное общение, осуществляемое в процессе межгруппового и внутригруппового взаимодействия. При этом специально рассмотрению подвергнуты наиболее социально значи-

мые из них в плане оказания формирующего воздействия на личность. В свете сказанного наиболее актуальным представляется исследование компенсаторного общения в алкогольной микросреде, в сообществах наркоманов и токсикоманов, стихийно-групповое общение подростков и юношей, общение в неформальных молодежных объединениях и массовое зрелищное общение спортивных и музыкальных фанатов. Компенсаторные возможности малой группы охватывают широкий круг коммуникативных запросов личности: *в самоутверждении и лидерстве, в сочувствии и сопереживании, в обретении социальной идентичности и включенности в какое-либо “Мы”*. Здесь в зависимости от основного направления деятельности группы и преобладающих ценностных ориентаций можно *реально* или *иллюзорно* смягчить проявления одиночества во всех его измерениях: *космическом, культурном, социальном, межличностном*. Наиболее распространенным образчиком компенсаторной общности выступает *алкогольная микрогруппа*. Обращаясь к работам специалистов по проблемам пьянства и наркотизма, трудно найти работы, в которых специально был бы выделен интересующий нас коммунологический аспект проблемы. Однако он дисперсно распространен по всему массиву указанных работ и может быть обнаружен в ходе заинтересованного анализа. При его проведении обнаруживаются общие признаки иллюзорно-компенсаторного общения, оборачивающегося декомпенсацией в сфере общения личности (угасающей компенсацией), влекущей за собой разрушение и деградацию личности: изоляционизм алкогольно-корпоративных групп и сообществ наркоманов в силу их рассогласования с социально более значимым миром, иллюзорное самоутверждение по причине угасания эффекта самореализации и доминирования статусной составляющей процесса самоутверждения, деформация эмоциональной компоненты общения (эмоциональная неадекватность; примитивный гедонизм на основе примитивных ценностей, причем достигаемых без видимого усилия) и др. Актуальность для современного человека поисков эмоционального насыщения объясняется особенностями нынешней коммуникативной ситуации. Сегодня для личности достаточно остро стоит проблема дефицита именно эмоциональной стороны общения. Бедность эмоциональной жизни позитивными эмоциями: монотонность повседневности, перегруженность ее будничными заботами — с одной стороны, и стрессами — с другой, побуждают к поиску эмоциональных компенсаторов в сфере социальной коммуникации. Эмоциональное насыщение в алкогольной микрогруппе обладает рядом особенностей, позволяющих расценивать обретаемую в ней компенсацию как иллюзорную.

В норме процесс самоутверждения представляет собой диалектическое единство самореализации личности (воплощения в контакте,

будь то совместная деятельность или соперничество, сущностных сил) и ее статусного измерения (его стабилизации, подтверждения либо повышения). На нерасторжимое единство указанных сторон обращал внимание С.Л.Березин: “Ни стремление личности завоевать себе определенную социальную позицию, ни самореализация, взятые в отдельности, в отрыве друг от друга, отнюдь не покрывают содержания понятия “самоутверждение”¹. Однако гармоническое единство этих сторон возможно лишь в социально полноценном общении. При этом ведущей стороной должен быть процесс самореализации. Повышение статуса предпочтительно запаздывающее, “догоняющее” самореализацию. Забегающий вперед статус, не подкрепленный самореализацией (то есть псевдодостигнутый, мнимый) и ее результатами, предметно воплощенными в реальных достижениях личности, чреват для нее сильнейшими психоэмоциональными напряжениями, что само по себе может быть источником компенсаторных действий. Другими словами, важнейшая основа повышения или подтверждения статуса – самореализация осуществляется иллюзорно. Это сказывается и на обретаемом в алкогольной микросреде статусе, который оказывается не подкрепленным ничем социально значимым. Таким образом, проблема самоутверждения реализуется на узкостатусном уровне.

Нечто подобное, только в гораздо более острых, стремительных и трагических формах происходит в группах наркоманов. Наркоманию как социальное явление нельзя объяснить исключительно коммунологическими причинами. С большим основанием можно усматривать корни наркотизма в компенсаторных механизмах более широкого плана, включая, разумеется, и коммунологический аспект. Компенсаторное общение часто выступает одной из существенных сторон (аспектов) компенсаторного поведения, рассматриваемого как целое. Не будучи, как правило, первичной причиной возникновения наркомании, коммунологические аспекты создают вторичную детерминацию наркотического поведения, подкрепляют его. Первоначальный компенсаторно-коммунологический импульс связан с *гедонистической мотивацией* и с такой коммуникативной потребностью, как *потребность в самоутверждении*. Для иных употребление наркотика, впрочем, как и алкоголя, выступает в качестве психологического “костыля”, позволяющего войти в своеобразную норму и испытать психологический комфорт; обрести уверенность в себе, легче благодаря этому вступать в общение, преодолевать страх перед окружающим миром (*космическое одиночество*), людьми (*одиночество в социальном и межличностном измерениях*).

¹ Березин С.Л. Самоутверждение и его роль в нравственном развитии личности: Автореф. дис. ... канд.филос.наук. Свердловск, 1973. С. 4—5.

Исследование ценностного наполнения компенсаторного общения в процессе стихийно-группового поведения подростков и юношей, а также деятельности ряда неформальных молодежных объединений (НМО), осуществлялось на основе предложенной И.С. Коном классификации объединений подобного рода на просоциальные (социально положительные), асоциальные (стоящие в стороне от основных социальных проблем) и антисоциальные (социально отрицательные). Установлено, что ведущими мотивами для использования указанных сообществ в качестве средства компенсаторного общения также выступают: стремление к эмоциональному насыщению и стремление к самоутверждению. Между тем в ряде НМО преобладают: самоутверждение посредством применения грубой физической силы (самоутверждение путем отрицания другого/других) и возмещение недостающих эмоциональных компонентов посредством использования механизмов «гедонистического риска» (И.Ю.Борисов). Это влечет за собой иллюзорную компенсацию, сопровождаемую реальной декомпенсацией духовного облика личности. Анализ асоциальных (стоящих в стороне от основных социальных проблем) и просоциальных по направлению деятельности НМО показывает, что для первых характерно преобладание сравнительно мягких форм самоутверждения, вторые не только обладают чертами высокого гедонизма, но успешно выполняет социализирующую функцию в единстве с функциями самопознания и реального самоутверждения. В них заложена интенция к деятельностному взаимоутверждению Я и Ты, Я и Мы, что является важнейшим признаком сверхкомпенсации посредством общения.

Неформальная активность, проявляющая себя в деятельности и в общении по изначально присущей ей природе, связанной прежде всего со свободным характером ее осуществления, если она не извращена, дает прекрасную возможность не только для решения коммунологических проблем, но и для актуализации смысла жизни и облагораживания самой неформальной деятельности. Но это происходит тогда, когда интенция к определенной деятельности не отгораживает, не изолирует от прочих социально ценных общностей и форм общения, а возвращает к ним человека еще более обогащенным, способным внести в эту среду обретенные им достижения, навыки, опыт, когда неформальная активность способствует формированию всеединства сферы человеческого общения, а не созданию отдельных, локальных, изолированных или, напротив, жестко, насмерть борющихся фрагментов. Только в первом случае самоутверждение одного предстает словно самоосуществление всего человеческого рода. Оно не таит в себе ограничений для чужого самоутверждения, не осуществляется за его счет.

Здесь повышение статуса отдельного человека воспринимается как рост человеческого достоинства как такового.

Компенсаторное общение посредством участия личности в малой группе включает в себе возможность для преодоления или ослабления одиночества во всех его основных измерениях. При этом какой бы иллюзорной не оказывалась компенсация в границах той или иной микросреды, личность всегда сохраняет свое Я, даже если оно освобождается из цепких объятий Мы несколько деформированным. Другое дело, когда Я погружается в экстатическое, стихийно-бессознательное массовое общение (Н.А.Бердяев, Э.Канетти, Г.Лебон, С.Московичи, З.Фрейд и др.). Здесь одиночество преодолевается путем утраты социально возвращенного Я. Гедонистическая абсолютизация принципа удовольствия оборачивается этикой наслаждения личности процессом самоликвидации Я, наслаждением Я процессом самоутраты (Ю.Н.Давыдов). Лишь те формы массового общения, что возвышаются над горизонтом его узко функционального использования, примитивным гедонизмом и самоценностью экстатических переживаний, способствуют реальной компенсации и сверхкомпенсации. Таковы, например, формы народного праздничного общения, принимающего универсальный космический, вселенский и всенародный характер, разыгрывающие бессмертие и неуничтожимость народа, временно отменяющие иерархические отношения, освобождающие от страха, знаменующие победу свободы, равенства, братства (М.Бахтин).

Человек зачастую включается в группу ради деятельности общения, ради преодоления одиночества в том или ином измерении. Сочетание коммуникативных возможностей группы, системы ценностей, норм, традиций и коммуникативных запросов личности, создающих особую надстройку над ее исходным коммуникативным миром, так или иначе компенсирует имеющиеся в нем деформации. Но часто гармонизация коммуникативного мира и смягчение одиночества в одном измерении порождают одиночество в другом или даже в других отношениях. Кроме того, будучи видом деятельности, общение преобразует жизненный мир личности далеко за пределами одной лишь сферы общения, ибо в предельных проявлениях компенсаторного общения (*декомпенсация* и *сверхкомпенсация*) средствами общения происходит тотальное преобразование личности, ее образа жизни, интересов, уровня культуры, основного направления жизнедеятельности. Компенсаторная надстройка перестает быть относительно автономной и переходит в состояние «вплетенного» общения, пронизывая все и вся. Вместе с тем меняется и сама личность.

§ 3. *«Компенсаторное общение на уровне индивидуального бытия»*. Социально-философский анализ компенсаторного общения, рассматриваемого на уровне индивидуального бытия личности, сосре-

доточен на изучении области *компенсаторной* аутокоммуникации. Исследование аутокоммуникации вообще, компенсаторной в особенности, представляется нам чрезвычайно важным и в теоретическом и в практическом отношении (как особый способ внутренней саморегуляции и внутреннего роста), но и наиболее сложным для изучения, а зачастую самым мистифицированным из всего того, что относится к проблеме общения. Различные стороны проблемы аутокоммуникации издавна привлекали исследователей. Высоко оценивалось умение творчески и продуктивно беседовать с самим собой. Наличие такой способности напрямую связывалось с высоким нравственным уровнем личности, силой ума, ей присущего, и обладанием той неординарностью, что позволяет, преодолевая расстояние и время, наслаждаться в собственном воображении изысканной беседой с подобными себе дарованиями. Общение с Богом также осуществляется, по мнению религиозных философов, через «внутреннее кровообращение» души, понимаемое по аналогии с аутокоммуникацией.

Каждое «измерение» одиночества, включая тончайшие оттенки в его содержании, а тем более самостоятельные аспекты, наиболее эффективно компенсируется вполне определенным способом компенсаторного общения, в данном же случае с помощью наиболее аутентичного способа компенсаторной аутокоммуникации.

Наиболее эффективно компенсаторная аутокоммуникация срабатывает, по нашему мнению, при следующих сочетаниях: 1) *одиночество в социальном измерении — компенсаторный солилоквизм* (общение с различными ипостасями своего Я); 2) *одиночество в межличностном измерении — компенсаторное общение с квазисубъектом* (отсутствующим или вымышленным партнером по общению); 3) *одиночество в космическом измерении — компенсаторное общение с субъективированным объектом* (природой); 4) *одиночество в культурном измерении — компенсаторное общение с объективированным субъектом* (культурой). Предложенная схема не исключает, конечно, и других вариантов. Например, 1-я и 2-я позиции наиболее близки, и способы аутокоммуникации, их компенсирующие, вполне взаимозаменяемы. Хотя все же в 1-й доминирует аспект саморегуляции и “самооправдания”, а во 2-й компенсация происходит и за счет расширения сферы общения, посредством обращения к иллюзорному контакту с вымышленным партнером. Нельзя не учитывать также и то, что один тип одиночества нередко порождает другой. Так, одиночество в культурном измерении часто сопровождается одиночеством в измерении социальном и т.д. Это может инициировать подключение сразу к нескольким источникам аутокоммуникации. *Потребность* в компенсаторной аутокоммуникации возникает в том случае, когда внешние формы общения по какой-либо причине не удовлетворяют личность, когда она ис-

пытывает дефицит эмоциональных, интеллектуально-гностических, деятельностно-волевых компонентов в своих взаимодействиях с окружающими.

Среди многих коммуникативных ситуаций, порождающих одиночество, преобладающей является ситуация *социального отвержения*, которая фиксируется в *социальном измерении одиночества*. Суть одиночества в социальном измерении заключается, следовательно, в непризнании индивидуума группой, когда не подтверждаются его социальные ожидания, в результате чего он обеспокоен своей идентичностью и статусом. Наиболее аутентичной формой компенсаторной аутокоммуникации в этих условиях выступает *компенсаторный солилоквиум* — испытанное средство нейтрализации неудачных взаимодействий в малой группе, способствующее *самореабилитации* личности. Если объектом воздействия в компенсаторном общении с квазисубъектом служит образ другого Я, в компенсаторном солилоквиуме, побеждающем внутреннее сомнение в собственной социальной значимости, объектом оказывается второе Я самого субъекта. Социальная ценность компенсаторного солилоквиума может быть определена исходя из того, приближает ли он субъекта к партнерам по общению, от которых тот временно отдалился, либо просто дополняет дефициты от контактов с ними, либо, наконец, отдаляет от действительных реальных связей, находя единственно в нем подлинную отраду и забвение прошлых неудач в общении, делая эти контакты малоценными на фоне самообщения. Мысленное безапелляционное опровержение чужой позиции как полностью несостоятельной чревато усугублением положения и возникновением зримого конфликта с окружающими по инициативе субъекта компенсаторного солилоквиума. Разобщая человека с его основным окружением, он уже не столько компенсирует его коммуникативные трудности, сколько влечет к *декомпенсации*, частичному или полному разрыву социально значимых связей. Следовательно, эта компенсация иллюзорна. Пересмотр собственных позиций способен положить начало сближению с непосредственным окружением на основе деятельностной перестройки своего внутреннего мира, увеличением его *коммуникативного потенциала*, развития *привлекательности в общении* и т.д. Но это уже путь *сверхкомпенсации*. Или, по крайней мере, начало такого пути. Он сложен и не может осуществляться целиком в границах солилоквиума, но без него трудно представить дальнейшие практические шаги. Сверхкомпенсация сродни *переживанию*, понимаемому как деятельность (Ф.Е.Василюк), как перестройка внутреннего мира и подготовка его к наиболее оптимальному, гармоничному вплетенному общению, а значит, и к деятельности (предметной), сопряженной с ним. Это означает дополнительный импульс в развитии

культуры и человека, что и составляет главный социокультурный смысл сверхкомпенсации средствами компенсаторного солилоквиума.

Наиболее распространенным *стимулом* к осуществлению компенсаторного общения с *квазисубъектом* является ситуация *одиночества*, взятого в *межличностном измерении*. Под одиночеством в межличностном измерении подразумевается нехватка тесных эмоциональных связей с людьми, дефицит близких, интимных, доверительных отношений, которые обычно реализуются в родственных, эротических и дружеских связях. Используемый в качестве средства компенсаторного общения квазисубъект представляет собой образ партнера по общению, возникающий в воображении субъекта. Таким образом, компенсаторное общение с квазисубъектом рассматривается как вид компенсаторной аутокоммуникации, предполагающей общение с отсутствующим или вымышленным партнером по общению. Компенсаторное общение с квазисубъектом подразделяется на: 1) общение с образами реальных людей; 2) общение с мифологическими или художественными образами, созданными чужой фантазией; 3) общение с образами, созданными собственной фантазией (с образами иных субъектов, отсутствующих в действительности или с воображаемыми Я-образами). В общении с образами реальных людей, в свою очередь выделены следующие ситуации: а) временной разлуки с психологически близким человеком, который не может быть полноценно заменен никем из окружающих (доминирует мотив расширения круга общения за счет контакта с квазисубъектом); б) труднодоступности определенного вида реальных контактов с прототипом некоего человека, которые исключены или трудноосуществимы (круг общения остается прежним, но изменяется качество общения с теми, кто в этот круг входит); в) возможности непосредственных контактов с неким авторитетным человеком, но труднодоступности их для нас по причине, например, значительной социальной дистанции (большая свобода интерпретации желаемого образа партнера по общению; общение часто носит исповедальные черты); г) невозможности непосредственных контактов с чрезвычайно дорогим и близким человеком, например, с образом умершего, способного при жизни к предельно тонкому сопереживанию и сочувствию.

Компенсаторная аутокоммуникация расширяет сферу общения личности, способствует ее самопознанию, может служить импульсом к коррекции взаимоотношений с окружающим и мироотношению вообще. Но социальная ценность компенсаторной аутокоммуникации в конечном счете определяется исходя из того, приближает ли она субъекта к реальным партнерам по общению, от которых тот временно отдалился, либо просто дополняет дефициты от контактов с ними, либо, наконец, отдаляет от действительных, реальных связей, находя един-

ственно в ней подлинную отраду: эмоциональное самонасыщение, забвение прошлых неудач в общении, самоутверждение, делая эти контакты малозначимыми на фоне внутреннего общения. Так, например, чрезмерная погруженность в сферу квазиобщения способствует разобщению человека с его окружением, готовит почву для будущего одиночества как в межличностном измерении, так и в измерении культурном, ибо квазиобщение задает недостижимую обычными средствами общения парадигму отношений, а безграничная власть над условиями общения и иллюзорными партнерами невозможна в обыденной жизни.

Особое место в данном разделе работы занимает рассмотрение вопроса о преодолении *космического одиночества*, остро ощущаемого в условиях современной коммуникативной ситуации, при помощи компенсаторного общения с субъективированным объектом (космосом, природой и так далее) и с объективированным субъектом (культурой).

Подытоживая содержание параграфа, следует зафиксировать, что компенсаторное общение, осуществляемое на уровне индивидуального бытия и рассматриваемое нами, главным образом, с точки зрения компенсаторной аутокоммуникации не является чем-то однородным и бесструктурным, а представлено совокупностью видов: *компенсаторный солилоквиум, компенсаторное общение с квазисубъектом, компенсаторное общение с субъективированным объектом, компенсаторное общение с объективированным субъектом*. Каждый из анализируемых нами видов компенсаторной аутокоммуникации наиболее успешно выступает в качестве “противоядия” от одиночества взятого лишь в определенных его измерениях. Несоответствие первого и второго порождает *иллюзорную компенсацию*, которая не освобождает от вполне конкретного переживания одиночества, а лишь маскирует его, направляя коммуникативную активность, часто гипертрофируя её, на ложные цели. Но поскольку наиболее важным в мире отношений представляется действительное и непосредственное *отношение Я–Ты* между человеком и человеком, наиболее полно соответствующее самораскрытию личности, её самоутверждению, эмоциональному насыщению и т.д., постольку гипертрофированная аутокоммуникация будет иллюзорной, если она, в конечном счете, не соединяет человека с человеком, не способствует лучшему постижению людьми друг друга, а подменяет собой непосредственные связи, отдаляет и разобщает людей, вплоть до формирования у них чувства полной самодостаточности переходящей в аутизм.

В *Заключении* подводятся итоги проведенного исследования и высказываются идеи по дальнейшей разработке социально-философской концепции компенсаторного общения. Требуется специ-

ального рассмотрения компенсаторное общение на основе взаимодействия больших групп людей, в частности, компенсаторное общение в сфере межнациональных отношений. Более детально следует изучить механизмы взаимоперехода различных типов компенсаторного общения друг в друга. Здесь намечены лишь общие контуры концепции, которые, по нашему мнению, создают предпосылки для дальнейшей исследовательской работы.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Компенсаторное общение: социально-философский анализ: Монография. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. (Сер. «Филос. образование». Вып.14). 292 с.

2. Воспитание высокой культуры общения как фактор формирования нового человека // XXVI съезд КПСС и задачи нравственного воспитания в системе формирования нового человека: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Свердловск, 1981. С.36-40.

3. Общение в клубе и формирование эстетических потребностей тружеников села // Тезисы к IV уральским социологическим чтениям. Секция: Социологические проблемы развития советского села. Пермь, 1982. С.40-42 (в соавт.).

4. Научно-техническая революция и система общения // Становление и совершенствование социалистических общественных отношений. Тезисы докладов областной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов. Свердловск, 1982. С.43-44.

5. Социальные причины возникновения компенсаторного общения членов трудового коллектива // Социалистический трудовой коллектив: Межвузовский сборник научных трудов. Челябинск: ЧГПИ, 1983. С.123-135.

6. Научно-технический прогресс и творчество личности в сфере общения // Научно-технический прогресс и творчество. Тезисы докладов научно-теоретической конференции (29-30 октября 1987 г.). Ижевск, 1987. С.130-131.

7. Актуальные проблемы теории и практики межличностного общения в условиях перестройки // Взаимосвязь науки и практики в процессе перестройки. Тезисы докладов и выступлений региональной научно-технической конференции (ноябрь, 1987 г.). Братск, 1987. С.241-243.

8. Инженер и культура делового общения в условиях ускорения научно-технического прогресса // Материалы Западносибирской региональной научно-теоретической конференции «Социально-философские аспекты ускорения научно-технического прогресса»: Тезисы докладов (декабрь, 1987 г.). Кемерово, 1987. С.97-100.

9. О природе негативных явлений в сфере общения и общих принципах их преодоления // Мораль, традиции, воспитание: Тез. докл. регионал. конф., посв. 70-летию Великого Октября. Уфа, 1987. С.109-112.

10. Методологические требования к философским исследованиям общения в условиях перестройки // Материалы Западносибирской региональной научно-теоретической конференции «Методология развития общественных наук в условиях перестройки»: Тезисы докладов (октябрь, 1988 г.). Кемерово, 1988. С.209-212.

11. О культуре общения /Методические рекомендации в помощь лекторам, преподавателям народных университетов общественно-политических знаний. Челябинск, 1988. 30 с. (в соавт.).

12. Культура общения инженера – организатора производства // Перестройка социально-экономической жизни СССР и задачи социологии. Седьмые Уральские социологические чтения: Тезисы докладов. I том. Ижевск, 1989. С.73-75.

13. Иллюзорно-компенсаторное в общении и проблема гуманизации межличностных отношений // Гуманизация высшего образования: Тезисы докладов научно-практической конференции. Челябинск, 1990. С.55-57.

14. К вопросу о приближении теоретического уровня преподавания философии к уровню научных исследований // Философия как теория и учебный предмет: тезисы докладов межвузовской научно-методической конференции. Челябинск, 1990. С.97-100.

15. Компенсаторное общение и духовное развитие личности // Духовные факторы общественного прогресса: Межвуз. сб. науч. тр. / ЧГПИ. Челябинск, 1991. С.83-99.

16. Некоторые аспекты анализа природы негативных явлений в сфере общения // Этика, эстетика и теория культуры: Республик. межведомств. науч. сб. Вып.34. Проблемы этико-эстетической теории [на укр. языке]. Киев: Лыбедь, 1991. С.126-132 (в соавт.).

17. Общение верующих и проблемы гуманизма // Рациональность иррационального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С.24-35. (Сер. «Философия религии». Вып. 2).

18. Философский методологический семинар в техническом вузе и его роль в процессе гуманитаризации образования // Проблемы гуманитаризации образования в техническом вузе: Тезисы докладов межвузовской конференции (27-28 мая 1992 г.). Брянск, 1992. С.57-58.

19. Гуманитарный факультет в техническом вузе: опыт, проблемы, перспективы // Проблема гуманизации высшего образования: региональный аспект. Материалы республиканской научно-практической конференции (16-18 июня 1992 г.). Ч.2. Екатеринбург, 1992. С.139-140 (в соавт.).

20. Проблема общения в «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова // Проблема духовности человека в раскрывающихся горизонтах отечественной философии. Материалы межвузовской научной конференции. Челябинск, 1993. С.182-185.

21. Богообщение и коммуникативный мир личности // Религия – культура – библиотека. Тезисы докладов межвузовской научно-практической конференции. Челябинск, 1993. С.100-102.

22. От «Я» и «Ты» М. Бубера к «Я» и «Мы» С.Л. Франка // Россия и Западная Европа: диалог культур. Тезисы докладов международной научной конференции (21-22 декабря 1993 г.). Курган, 1993. С.25-26.

23. Об эвристическом значении принципа компенсации А. Адлера // Современная западная философия: мир человека и мир культуры на пороге третьего тысячелетия. Тезисы докладов Российской научной конференции. Челябинск, 1994. С.105-108.

24. Компенсаторное общение как способ гармонизации коммуникативного мира личности // Вестник Челябинского агроинженерного ун-та. Челябинск, 1994. Т.5. С.53-62.

25. Неформальные молодежные объединения как сфера компенсаторного общения // Вестник Челябинского агроинженерного ун-та. Челябинск, 1994. Т.7. С.5-11.

26. О компенсаторном общении человека с природой // Вестник Челябинского агроинженерного ун-та. Челябинск, 1995. Т.12. С.65-72.

27. Проблема общения в русской философии // Русская идея: исторический смысл и современное значение. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. (15-16 мая). Ч.П. Хабаровск, 1995. С.35-37.

28. Аристотель о нравственных основах общения и современность // Вестник Челябинского агроинженерного ун-та. Челябинск, 1996. Т.15. С.147-153.

29. Социальные корни компенсаторного общения человека с природой // Человек – экология – культура. Тезисы докладов Российской научной конференции. Ч.І. Челябинск, 1997. С.40-45.

30. Метаморфозы «Я-Ты» отношения в концепциях общения М. Бубера и С.Л. Франка // Россия, Восток, Запад: диалог культур. Тезисы докладов международной научной конференции (Хабаровск, 16-17 октября 1997 г.). Ч.І. Хабаровск, 1997. С.36-39.

31. Обзор философской литературы как форма педагогического общения // Пути совершенствования психолого-педагогической и профессиональной подготовки студентов: Сб. науч. тр. / ЧГАУ. Челябинск, 1997. С.134-137.

32. Общение и одиночество в зеркале антиномий. Статья 1 // Вестник Челябинского агроинженерного ун-та. Челябинск, 1997. Т.19. С.134-143.

33. Компенсаторное общение в алкогольной микросреде // Вестник Челябинского агроинженерного ун-та. Челябинск, 1997. Т.20. С.14-25.

34. Общение и одиночество в зеркале антиномий. Статья 2 // Вестник Челябинского агроинженерного ун-та. Челябинск, 1997. Т.22. С.75-83.

35. О философских основах отечественной теории общения // Судьба России: исторический опыт XX столетия: Тезисы Третьей Всероссийской конференции. Ч.І. Екатеринбург: УрГУ, 1998. С.61-63.

36. О возрастании социальной ценности общения // Человек в истории: теория, методология, практика: Тезисы докладов Российской научной конференции. Ч.ІІ. Челябинск, 1998. С.44-45.

37. П.А. Сорокин об аксиологических основах исторического процесса // Человек в истории: теория, методология, практика: Тезисы докладов Российской научной конференции. Ч.І. Челябинск, 1998. С.68-71 (в соавт.).

38. Проблема общения в раскрывающихся горизонтах отечественной и западной философии // Истоки и перспективы российской культуры. Сборник тезисов и докладов межвузовской научно-практической конференции. Челябинск, 1998. С.18-24.

39. Проблема общения в философии эпохи Возрождения // Вестник Челябинского агроинженерного ун-та. Челябинск, 1998. Т.27. С.107-110.

40. Общение и его функции // Вестник Челябинского агроинженерного ун-та. Челябинск, 1998. Т.27. С.47-60.

41. Компенсаторное общение и личность // XXI век: будущее России в философском измерении: Материалы Второго Российского философского конгресса (7-11 июня 1999 г.): В 4 т. Т.3: Философская антропология и философия культуры. Ч.1. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. С.186-187.

Подписано к печати 17.01.2002. Формат 60х84/16.
Бумага типографская. Уч.-изд.л. 2,0. Заказ 16. Тираж 100.

ООП ЧГАУ.
454080, Челябинск, пр. Ленина, 75.